

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 11 МАРТ 1975

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 11 (2488)

8 МАРТА 1975

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1975.

МУЖЕСТВО

8 МАРТА —
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Е. КАПЛИНСКАЯ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Галя услышала разговор случайно. Тоня Жук, председатель цехового комитета, замолкла на полуслове, как только Галя вошла к Шабшину, начальнику цеха. Она сразу все поняла. Замолчали... Как будто такие новости удастся скрыть! Через несколько часов квартальные итоги социалистического соревнования опубликует многотиражка «За передовую технику», «молнии» в цехах поздравят победителей. Но Тоня и Иосиф Владимирович Шабшин хотя бы на эти несколько часов хотели сохранить покой Арефьевой, ее уверенность... В чем?

«Везет мне на хороших людей,— подумала она.— Вот если б объявить цеховой, скажем, референдум, Шабшин занял бы место самого лучшего человека цеха». А Тоня Жук—давняя товарка, вместе работали монтажницами, были в одной бригаде... Друзья! Это слово звучит по-особому на производстве. И друзья старались в этот момент на Галя не глядеть. Вот какое пришло время. Почему же, почему?

Все мы знаем, как это бывает, когда яркой звездой разгорается новый рабочий почин. Мелькают сообщения в газетах, другие коллективы подхватывают инициативу, выдвигают встречные обязательства, и вот уже родилось социалистическое соревнование в еще одной подсказанной самой жизнью форме.

Это прекрасные, радостные дни. Их пережила бригада мастера Галины Арефьевой в канун 1973, решающего года девятой пятилетки. Монтажницы-сборщицы радиоламп Московского завода электровакуумных приборов взяли тогда обязательство: работать час в неделю на сэкономленных материалах. Эта промышленность использует ценные, дорогостоящие материалы,— и почин нашел широкий отклик. Часы складывались в дни, копейки — в рубли, сбереженные рабочей смекалкой, рождались идеи, множились успехи, ширилось соревнование, но бригада Галины Арефьевой шла впереди.

Миновал 73-й, он принес исключительную трудовую победу: вместо обещанных десяти дней в году монтажницы проработали четыр-

Галина Арефьева с одной из своих учениц, монтажницей Таней Парамоновой.

См. стр. 7—8.

БУДНЕЙ

Во время встречи.

Фото ТАСС.

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА

По приглашению ЦК КПСС 3 марта в Москве с кратковременным дружеским визитом находился Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии Густав Гусак.

Состоялись встречи и беседы между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и Г. Гусаком. Руководители двух братских партий проинформировали друг друга о ходе коммунистического и социалистического строительства, обсудили вопросы дальнейшего развития и углубления всестороннего сотрудничества между КПСС и КПЧ,

Советским Союзом и Чехословацкой Социалистической Республикой, обменялись мнениями по широкому кругу международных вопросов, уделив при этом особое внимание делу усиления борьбы за мир и безопасность народов.

Встреча товарищей Л. И. Брежнева и Г. Гусака прошла в атмосфере сердечной дружбы, вновь подтвердила полное единство позиций коммунистических партий Советского Союза и Чехословакии.

Награда Родины

За активное участие в пропаганде достижений советской науки, техники, культуры и плодотворную работу по изданию энциклопедической литературы издательство «Советская энциклопедия» награждено орденом Трудового Красного Знамени.

На торжественном собрании, посвященном вручению высокой награды Родины, с речью выступил тепло встреченный собравшимися член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко. Под бурные аплодисменты присутствующих А. П. Кириленко прикрепил награду к знамени издательства.

Фото В. БУДАНА
и В. КУЗЬМИНА
(ТАСС).

И ОТЗВУК СРАЖЕНИЙ И ГРЯДУЩЕГО ЗОВ

СО ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ И КРИТИКОВ В МИНСКЕ

Минск. Город-герой. В канун 30-летия Победы его выбрали для Всесоюзного творческого совещания, посвященного теме «Бессмертный подвиг народа в Великой Отечественной войне и советская литература».

На писательский форум приехали К. Симонов и С. С. Смирнов, Н. Грибачев и М. Стельмах, А. Чаковский и М. Луконин, В. Озеров, Ю. Верченко, М. Алексеев, С. Баруздин, Л. Новиченко, Ю. Збанацкий, П. Боцу, Д. Кугультинов, Д. Гранин, И. Стаднюк и многие другие. В совещании участвовали писатели — Герои Советского Союза, фронтовики, партизаны, подпольщики...

Перед открытием совещания в Центральном Комитете Компартии Белоруссии состоялась встреча с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК КПБ Героем Советского Союза П. М. Машеровым. В начале работы совещания товарищ Машеров обратился к участникам и гостям с большой взволнованной речью.

«Люди разных возрастов и профессий, — сказал он, — все, в ком живет трепетное патриотическое чувство, пристально вглядываются в недавнее прошлое; они стараются не только глубоко понять, почему и как началась самая грозная и наитяжелейшая из всех войн, но и проникнуться атмосферой того сурового и героического времени, увидеть и узнать

во всех подробностях и перипетиях ход и масштабы гигантского противоборства с жестоким врагом, еще и еще раз осмыслить истоки и величие победы советского духа, социалистического строя, нашего оружия».

П. М. Машеров пожелал успехов совещанию, его участникам и выразил уверенность, что оно послужит шагом к дальнейшему подъему творчества, откроет перспективы создания новых произведений достойных народа и его бессмертного подвига.

С докладом «Основные тенденции советской литературы о Великой Отечественной войне» выступил руководитель кафедры теории литературы Академии общественных наук при ЦК КПСС профессор Л. Якименко.

В его докладе и в многочисленных выступлениях участников совещания особо подчеркивалась мысль о том, что советские писатели никогда не стояли в стороне от тех событий, которыми жила Родина и народ, и по зову партии, по велению сердца всегда шли туда, где решались судьбы первого в мире социалистического государства, и честно, талантливо и мужественно выполняли свой долг перед Отчизной. Так было и в Великую Отечественную войну.

Свыше тысячи литераторов стали в строй в 1941 году. Более четырехсот из них не вернулись с фронта. 21 писатель удостоился звания Героя Советского Союза.

В зале совещания.

Литература вступила в бой стихами Твардовского, Купалы, Симонова, Тихонова, «Наукой ненависти» Шолохова, публицистикой А. Толстого и Эренбурга, корреспонденциями Гайдара и Вишневского, пьесами Леонова и Корнейчука, песнями Лебедева-Кумача, Исаковского, Суркова... Позже нашу военную библиотеку пополнили «Молодая гвардия» Фадеева, «Волоколамское шоссе» Бека, «Непокоренные» Горбатова, «Повесть о настоящем человеке» Полевого, «Дневные звезды» Берггольц, «Сын» Антокольского, «Радуга» Василевской, книги С. С. Смирнова, Казакевича, Кулешова, Тычины, Бровки, Айни, Леонидзе, М. Танка, Шамякина... Затем в тот же ряд стали произведения Алексеева, Бондарева, Быкова, Мележа, Бакланова, Астафьева, Ананьева, Богомолова, Адамовича, Авижюса...

Большой, принципиальный, заинтересованный разговор шел в Минске в течение нескольких дней. Обсуждались проблемы развития разных жанров, становления литературного мастерства, соотношения документальности и художественного вымысла, героического и будничного. Отмечался большой подъем братских национальных литератур, выход на литературную арену молодых талантливых писателей, не участвовавших в войне.

Своеобразным продолжением совещания стали поездки литераторов в области и районы Белоруссии, в колхозы, на заводы, на стройки, посещение Хатынского мемориала и кургана Славы под Минском.

А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька»
Фото Вл. КРУКА.

Президиум Всесоюзного совещания писателей и критиков в Минске. На трибуне — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Белоруссии П. М. Машеров.

«ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ГОНКИ» ВЗЯЛИ СТАРТ

Томас КОЛЕСНИЧЕНКО

Все это еще впереди: звуки фанфар, разноцветные воздушные шары, улыбающийся, счастливый победитель в окружении семьи... Все это впереди. Тем не менее кампания в связи с выборами 39-го американского президента в 1976 году уже началась. Ее недаром называют «гонками». Действительно, кампания началась за 18 месяцев до съездов партий, на которых будет происходить выдвижение кандидатов, и почти за 21 месяц до самих выборов, когда электронно-счетные машины, уточнив итоги голосования, назовут имя нового президента США.

Грандиозное «шоу», каким являются в США выборы президента, тяжелым бременем ляжет на плечи налогоплательщиков. Достаточно сказать, что, по самым скромным подсчетам экономистов, цена борьбы за президентское кресло в США на прошлых выборах составила 400 миллионов долларов. Эта сумма равняется бюджету некоторых зарубежных стран. Главная задача этого «шоу» — убедить избирателей, что они «имели возможность выбора». Однако реальная власть при этом останется в руках сильных мира сего. К избирательным урнам пойдут далеко не все 140 миллионов американцев избирательного возраста. В лучшем случае туда явится половина, ибо иллюзия «священного права» выбора президента уже мертва. Заранее известно: им будет кандидат одной из двух буржуазных партий — либо республиканец, либо демократ.

Казалось бы, предсказать нового президента США не так уж трудно. Президент Дж. Форд объявил, что он будет баллотироваться в 1976 году. А, как известно, человек, уже занимающий Овальный кабинет Белого дома, имеет гораздо больше возможностей обеспечить свое переизбрание, чем его соперники. Недаром за всю историю выборов в этом веке американский президент, выставляющий свою кандидатуру на второй срок, избирается почти всегда; было лишь два исключения. Здесь-то и возникает это «но», в которое, как говорят французы, «можно вставить весь Париж».

Нынешний президент США не выставляет свою кандидатуру во второй раз. Впервые в истории Америки президент и вице-президент «назначены» конгрессом, а не были избраны обычным путем. Кроме того (и это, пожалуй, главное), Форду, по мнению большинства наблюдателей, придется бороться не столько с конкретными претендентами на его пост, сколько с грозными «призраками». Это отнюдь не донкихотская мельница, а весьма конкретные экономические трудности, ставшие «проблемой № 1» сегодняшней Америки. «Сейчас в Вашингтоне, — пишет газета «Нью-Йорк дейли ньюс», — распространилось мнение, что хотя Форд и сказал, что он будет баллотироваться, на самом деле он не сделает этого, ибо в своем бюджетном и экономическом послании Форд нарисовал столь мрачную картину экономики»...

Я не думаю, что следует согласиться с мнением газеты, хотя несомненно, что продолжающаяся инфляция, рост безработицы, экономический спад весьма чувствительно отразятся на предвыборной кампании и станут решающим фактором.

Кто же, помимо Джеральда Форда, претендует на президентское кресло в 1976 году? Судя по всему, для республиканской партии этот вопрос излишний. Потерпев сильное поражение в связи с «уотергейтским делом», республиканцы, естественно, попытаются объединиться вокруг нынешнего президента. Однако среди республиканцев есть желающие «бросить перчатку» Дж. Форду на предстоящем съезде республиканской партии.

Что касается демократов, то у них уже имеются кандидаты, официально объявившие, что будут добиваться выдвижения своей кандидатуры на пост президента США. Среди них сенатор Г. Джексон (от штата Вашингтон), бывший губернатор Джорджии Дж. Картер, видный техасский миллионер, сенатор Л. Бентсен. Явно намерен выдвинуть свою кандидатуру и уже ведет закулисную борьбу губернатор Алабамы небезызвестный Дж. Уоллес.

Хотя сенатор Эдвард Кеннеди «безоговорочно» заявил о том, что он не будет баллотироваться на президентских выборах 1976 года, многие наблюдатели продолжают считать сенатора из Массачусетса самым грозным противником президента Дж. Форда. Никто не может, во всяком случае, поручиться, что на каком-то этапе президентских «гонок» сенатор Э. Кеннеди не «уступит» тем, кто активно призывает его включиться в предвыборную борьбу. Нельзя также сбрасывать со счетов и далеко идущие планы Нельсона Рокфеллера, который сегодня хотя и выступает в одной «упряжке» с президентом Фордом, однако все помнят, что он не раз уже добивался кресла в Белом доме.

Существуют еще так называемые «темные лошади», готовые неожиданно всплыть на поверхность политической кампании и, смешав все карты, изменить ход борьбы.

Президентский марафон только начинается. И кто знает, сколько еще появится тех, которые, по словам известного американского обозревателя Джеймса Рестона, «время от времени по вечерам слышат внутренний призыв попытаться занять пост президента и начинают думать о том, чтобы баллотироваться, но наутро понимают безнадежность этой затеи».

Заметим, что срок президентской кампании падает на середину 70-х годов, начало которых ознаменовалось положительными сдвигами в международной жизни. Уже сейчас общественные опросы говорят о том, что громадное большинство американских избирателей, независимо от того, голосуют они за кандидата республиканцев или демократов, выступает за разрядку международной напряженности, сотрудничество между государствами с различным социальным строем. Миллионы американцев ждут, что такой курс будет продолжен хозяином Белого дома на последующие четыре года.

В ПЕРВЫХ РЯДАХ БОРЦОВ

свидетельствует

пресса

На одной из улиц Нью-Йорка только что произошло преступление. Этот револьвер убийца носил открыто. Он купил его в оружейной лавке, как покупают обувь или галстук...

«Требуем равноправия», «Мы не граждане второго сорта» — с такими лозунгами вышли на улицы тысячи американок. Ширится движение трудящихся женщин, протестующих против двойного гнета — капиталистической и «домашней» эксплуатации. Они ищут пути к равенству, активному участию в общественной и политической жизни страны.

Народ Мозамбика упорно боролся за свою свободу. И вот в этом году он обретает полную независимость. Сегодня мозамбинцы трудятся над тем, чтобы преодолеть отсталость, доставшуюся им в наследство от колониализма. В первых рядах строителей нового общества, свободного от нищеты и эксплуатации, — женщины. Особенно большая роль отводится им в воспитании и обучении подрастающего поколения. На снимке: занятия в школе, которые проводит молодая женщина-педагог.

В Англии, как и в других капиталистических странах, растущая инфляция затрагивает трудящихся. В том числе страдают от нее и женщины. Они получают меньшую, чем мужчины, зарплату, их в первую очередь увольняют при свертывании производства. В тяжелом положении находятся и медицинские работники. Врачи и медсестры все активнее выступают в защиту своих жизненных интересов. На проводимых ими митингах, один из которых вы видите на снимке, они требуют от властей сокращения продолжительности рабочего дня, повышения заработной платы, улучшения условий труда.

Сегодня ни одно крупное международное движение не обходится без участия женщин. Женщины наравне с мужчинами борются за мир, выступают за свободу, демократию, независимость народов. Объектив запечатлел на улицах Афин популярную греческую антрису Мелину Меркури, в свое время много сделавшую для того, чтобы всемирная кампания солидарности с греческим народом приняла еще более широкий размах. Она — участница многотысячной демонстрации в поддержку борьбы чилийских патриотов против клики Пиночета.

Фото ТАСС, отдела информации ФРЕЛИМО и из журнала «ЮС ньюс энд уорлд рипорт».

ДЕСЯТИЗАРЯДНЫЙ, СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ СУББОТЫ...

Общественные круги Соединенных Штатов требуют запрещения торговли оружием, получившей широкое распространение в США. Они добиваются принятия конгрессом законов, которые бы пресекли этот злобный бизнес. Однако законодатели не торопятся.

Вот что пишет по этому поводу американский журнал «Ю С ньюс энд уорлд рипорт».

Острые кампании направлены в первую очередь против так называемого «Сатердей-найт спешл»*, с помощью которого совершаются многие преступления. Главной же задачей яв-

* «Специально для субботнего вечера» — фамильярное наименование дешевого, широко распространенного в США десятизарядного револьвера.

ляется принятие законов, ограничивающих или полностью запрещающих продажу или производство любого портативного оружия.

В чем причины того, что эти требования стали звучать сейчас особенно настойчиво? Вот несколько фактов и цифр:

— С помощью легкого огнестрельного оружия в США совершено в 1973 году 10 340 убийств — по одному каждые 48 минут. Это вдвое больше, чем в 1967 году.

Из всех 19 510 убийств в 1973 году 53 процента совершено с применением именно револьверов.

В том же году огнестрельное оружие использовалось преступниками каждые две минуты или в 279 169 случаях.

Количество револьверов в Соединенных Штатах оценивается в 40 миллионов штук, то есть по одному на каждые 5 человек. Два с половиной миллиона новых револьверов ежегодно производится для открытой продажи. Почти 7 лет назад был, правда, проведен федеральный законопроект о контроле над ношением оружия. Между тем его производство в первые 5 лет после принятия закона возросло по сравнению с предыдущим десятилетием в два раза! В сущности, закон 1968 года был направлен в основном на сокращение импорта, не предусматривая серьезных мер против распространения оружия отечественного производства. Правда, были частично запрещены пересылки огнестрельного оружия по почте (исключение было сделано для торговцев оружием) из штата в штат, однако, как свидетельствует чикаг-

ский профессор Франклин И. Зимринг, специально занимавшийся этим вопросом, только за один год нью-йоркская полиция конфисковала 5 тысяч револьверов, большинство которых переправлено из шести южных штатов, где на это смотрят проще. К слову сказать, в Нью-Йорке действует в отношении хранения оружия самое жесткое в США законодательство. И тем не менее там зарегистрировано до сих пор только 28 тысяч револьверов из предполагаемых 1,3 миллиона. Сторонники запрещения свободной продажи оружия настаивают на строгом законодательстве, которое действовало бы во всех без исключения частях страны.

Добиться этого, однако, не так просто. Сенат не утвердит такое законодательство, пока за него не проголосует палата представителей. Кроме того, в сенате этой проблемой занимается подкомитет по молодежным правонарушениям, председатель которого Берч Бэй не горит желанием принимать срочные меры против роста преступности. А пока конгрессмены дискутируют, противники «антиревольверного» закона не дремлют. За их спиной так называемая Национальная ассоциация стрелков, располагающая и деньгами и влиянием. «Новый закон, — шантажируют они обывателя, — станет нарушением права частной собственности». Такие «аргументы» руководители ассоциации подкрепляют делом, собираясь ассигновать на борьбу против принятия закона 200 тысяч долларов. И хотя опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что большинство американцев выступает против бесконтрольного ношения оружия, вышеупомянутая ассоциация делает свое дело, продолжая «обращаться» и широкую публику и конгрессменов.

ЗА ШАГ ДО ПОБЕДЫ

«Кто назовет их имена!» С этим вопросом «Огонек» обратился к своим читателям в первом номере 1975 года. Там же был опубликован снимок, сделанный во время митинга 2 мая 1945 года у Бранденбургских ворот в Берлине.

Среди участников митинга был военный корреспондент Вл. Рудим. Публикуем страницы из его фронтового блокнота.

Вл. РУДИМ

Пожелтевшие от времени фронтовые записные книжки воскрешают дни, минуты, секунды весны сорок пятого года. В памяти по-прежнему четки многие детали, эпизоды — все, что было увидено, пережито.

...Апрель. Ночь перед самым наступлением на Берлин. Все бодрствуют — не до сна. Сосредоточено столько боевой техники, что кажется, оседает под ее тяжестью влажная, источающая пьянящие весенние запахи земля. Самое необычное в этом сосредоточении войск, техники — прожекторы. Сколько их? Сотни? Тысячи? Пока что они замаскированы и обращены стеклами на восток — чтобы противник не обнаружил. Но вот их поворачивают в сторону вражеских укреплений. Значит, совсем близка та самая минута! И началось! Все слилось: молнии прожекторов, огненные стрелы «катюш», грохот артиллерии и танков — казалось, земля расколется.

...И вот мы вступаем в Берлин. Наконец-то! Пока это еще только окраина, которая отстреливается, сопротивляется. Но натиск наших войск не удержать! Берлинершоссе... Следы гусениц от наших танков, самоходок. И не только на самой улице. Стальной вал прошел через дворы, огороды и даже через дома (они были пусты — ни единого жителя). Длинное здание скотобойни. На стене — свастика, она пробита: кто-то из наших танкистов пальнул.

Огненный вал подходит все ближе к центру города. Заведующий редакцией притащил каски:

— Надевай, надевай, шутить нечего: пули — раз, осколки — два, дома валятся — три. Не хорохорься, до конца войны осталось уже совсем немного.

Днем и ночью в батальонах и ротах — корреспонденты редакции. Майор Дубовенко, майор Чикун, майор Шухмин — все были там. Сколько репортажей сделано о героях!.. В зданиях, ставших «окопами» (дрались ведь на этажах, чердаках, в подвалах), успевали побывать и редактор подполковник Барышников и ответственный секретарь майор Тертерян.

— Как дела, кто отличился, пиши скорей!

Тут же строчишь в блокноте, вырываешь листки — через час-два они будут набраны. Главный репортаж о штурме имперской канцелярии поручен начальнику отдела боевой подготовки майору Бабенко: самый горячий участок.

А когда на часок-другой попадаешь в редакцию (с потолков сыплется штукатурка от совсем недалеких разрывов), первым делом спрашиваешь о боевых товарищах.

В один из «залетов» в редакцию узнаю новость, которой все гордятся: командующий нашей армией Николай Эрастович Берзарин назначен комендантом Берлина.

Помню, как на улицах, уже освобожденных от гитлеровцев, расклеивались белые листы с текстом на немецком и русском: это был Приказ № 1 по городу Берлину советского коменданта.

С окон и балконов уцелевших домов свисают белые полотенца, простыни, просто куски материи:

сдаются. Улицы — крошево кирпичей. Вон там торчит из щебня железная рука согнутого фонарного столба, а дальше взвился до второго этажа разорванный рельс. На широкой, кое-как уцелевшей от бомбежек Шёнхаузераллее — несколько жалких, прошитых пулями и осколками желтых трамваев. В них на полу матрацы, коврики, подушки: здесь ночевали берлинцы, дома которых были разбомблены. Теперь жители прячутся где-то в подвалах и молят бога. О чем? Да вот же на стенке выведено (по буквам видно: рука дрожала): «Господи, спаси нас!»

Когда я перевел эту фразу нашим бойцам, сержант с двумя орденами Красной Звезды сказал:

— Молылися богам, а спасаемо их мы. Он там за углом, наш повар, раздает немцам кашу: выдню, что дуже голодни.

На Лейпцигерплац я увидел первую надпись по-русски, на доске, прибитой к шесту, выведено всего одно слово: «Объезд». И стрелка вправо. В земле зияла дыра, были видны рельсы метро.

Город — в грохоте, огне сражения.

Последний штурм — имперская канцелярия. Там, в глубоком подземном бункере, как в крысиной норе, еще таятся фашистские главарь, принесшие народам столько горя. Атакуют стрелковый полк И. Гумерова, батальоны, которыми командуют Ф. Шаповалов, И. Михайлов. Дым, гарь от разрывов мин и снарядов, рушатся дома. Танки стреляют в проломы стен, свистят огненные снаряды «катюш» — некоторые установки ведут огонь со вторых и даже с третьих этажей полуразрушенных зданий. И с каждым часом канонада становится все оглушительней. Уже не разберешь, бьют ли 76-миллиметровые пушки, или танки, или орудия резерва главного командования. Но рев самого крупного калибра покрывает все — это бьют огромные крепостные орудия. Когда их еще только подтаскивали тракторами по Франкфуртераллее, солдаты и офицеры, все перевидавшие, и то удивлялись жерлам неимоверных размеров.

— Ну, ребята, такая влепит разочек — никакой бункер не спасет Гитлера!

Спрашиваю у одного из артиллеристов: «Как же вы доставили своих красавиц в Берлин?» «По железке, дули во всю мочь, паровозы едва успевали нам подавать».

Одно из крепостных орудий

(расчет называл его «Матрёной») обосновалось на Каноништрассе. Командир расчета улыбнулся:

— Для советских канониров фашисты заранее и улочку специальную приготовили.

В крошечном аду последнего боя находилось место и для шуток!

...Второе мая сорок пятого. Трудно найти слова, чтобы рассказать о переживаниях того исторического дня. Вряд ли удастся кому-либо описать, что творилось в наших душах, в наших сердцах.

Это был день какой-то сумасшедшей радости! Позади четыре года жесточайшей войны — целая вечность! — отступления, атаки, гибель боевых товарищей (как горько было хоронить самых последних — павших за день, за час, за несколько минут до капитуляции).

Второе мая... Над рейхстагом — алый флаг... Все, кто мог, прежде всего направлялись туда — с самого рассвета.

В ночь на второе мая нас, корреспондентов 5-й ударной армии, собрал редактор газеты «Советский боец» подполковник Барышников:

— Главное: побольше материалов о героях. И не только собственных материалов, но и написанных участниками боев.

Потом, когда мы расходились по частям, меня подзвал ответственный секретарь Арташес Тертерян:

— Герои Берлина войдут в историю. Нужно передать обстановку сегодняшнего дня, настроение, дух второго мая сорок пятого года. Побывай, где только успеешь. Каждая деталь — золото!

И вот я возле Бранденбургских ворот. Два проезда заложены кирпичами. На самом верху, возле бронзовых продырявленных колонн — два солдата (как они туда забрались — до сих пор не догадаюсь). Укрепили красный флаг. Он затрепетал под треск автоматного салюта.

На Унтер-ден-Линден — танки, самоходка, подводы, дымящиеся кухни, снарядные ящики. Вокруг танка, ближнего к Бранденбургским воротам — много воинов, офицеры. Пушка повернута в сторону рейхстага — словно туда еще нужно посылать снаряды. На танк поднялись три или четыре офицера. Я стою внизу под дулом пушки. Одного я узнал сразу: поэт Евгений Долматовский. Начался митинг. Горячий, бурный.

ИХ ИМЕНА?

Кто был на этом митинге? К сожалению, я не записывал фамилий. Но двоих солдат помню. Один оказался земляком, с Украины, и фамилия у него была редкая: Колыска. Не забылись и его слова:

— Волнуюсь? А как же! От боя еще не остыл и от радости не скоро остыну. Да что там не скоро — никогда!

Второй солдат, кажется, из Средней Азии, тоже с необычной фамилией: Пойшикин. Подбил три танка. Уничтожил миномет и даже — это было до Берлина — сбил из противотанкового ружья самолет-разведчик.

После митинга на Унтер-ден-Линден были митинги в других местах. Возле рейхстага сразу два. Один — на восточной стороне, на каменной лестнице, второй — на южной, возле фонтана.

Я всматривался в рейхстаг, и он вдруг показался мне перевернутым массивным канцелярским столом с четырьмя короткими тупыми ножками и проволочной корзиной для бумаг — в центре крыши торчали железные «ребра» — остатки купола.

Гремит «ура!», гремит — в который раз — салют. Рядом со мною девушка-регулировщица ликующе машет красным флажком, пилотка слетела с головы, волосы растрепались:

— Наша взяла, наша взяла! Ура!

Потом лазали по развороченным залам рейхстага, а на нас безмолвно взирали мрачные каменные рыцари в шлемах, со щитами. Мы взобрались на самую крышу, к простреленным бронзовым коням, к развевающемуся красному знамени. Отсюда видно далеко-далеко. Кругом — руины, руины, руины... Дорого пришлось заплатить городу за безрассудство фашистских главарей!

Спустились вниз. Теперь — на Зигесаллее в Тиргартене. Мрачная аллея. От статуй немецких полководцев почти ничего не осталось: у одной нет головы, у другой только половина туловища, а от иных торчит только кончик сапога.

Но вот приятная встреча. На небольшой площади, совсем близко от Бранденбургских ворот, памятник Гёте. Мрамор почти не поврежден. Великий немец смотрит в сторону Унтер-ден-Линден, он словно отвернулся и от Зигесаллее и от фашистского рейхстага.

А неподалеку от памятника Гёте, на краю исхлестанного бомбежками Тиргартена, зеленел подраненный, но крепкий каштан. И его

молодые листья, словно ладони, бережно держали уже совсем расцветшие, ослепительно белые свечи.

Где только мы не побывали в те дни! Удивительно, как только успевали. Впрочем, все понятно: во-первых, война научила делать невозможное возможным, во-вторых, молодость, энергии хватало, в-третьих, с каждым победным шагом силы удваивались.

Когда в рейхсканцелярии стали полными хозяевами войны Шаповалова, ринулись туда и мы, журналисты. Это было во второй половине дня второго мая.

Развороченная снарядами дыра в нору фашистских главарей. Спускаюсь вниз по разбитым ступеням. Раскрыты массивные, как на крейсерах, двери. Коридоры, комнаты, на полах, диванах, стульях — бумажный хлам, пустые винные бутылки, пуговицы, погоны. В углу разбитые ящики, из которых высыпались железные кресты — плоские, черные, с серебряной каймой по краям. Кабинет Гитлера. Массивный стол. Несколько светло-зеленых кресел. Сейф пуст. Его содержимое, как и все, что находилось в кабинете Гитлера, сразу было изъято и сдано командующему 5-й ударной армией генерал-полковнику Н. Берзарину и члену Военного совета генерал-лейтенанту Ф. Бокову.

Увидели мы и... Гитлера. Он лежал на полу в коридоре, в черном костюме, новых черных ботинках, лежал навзничь, в какой-то очень аккуратной позе. Для меня и для многих других это был самый настоящий Гитлер.

— Застрелился! — с досадой сказал мой спутник.

Но мы тут же узнали, что это один из двойников, которых убили сами фашисты! Их было два или три.

Продолжаю ходить из отсека в отсек глубокого бункера, все повторяя про себя: «Так вот где они отсиживались: никакая бомба не пробьет, а советский солдат достал их!»

Еще одна железобетонная конура. Здесь тоже отстреливались гитлеровцы. Захламленный стол. Из-под бумаг что-то синее. Папка. Роскошная папка. Верх — синий бархат, внутренняя подкладка — шелк золотого цвета.

Пленный подполковник, которому я показал папку, объяснил:

— В ней хранились бумаги для доклада фюреру.

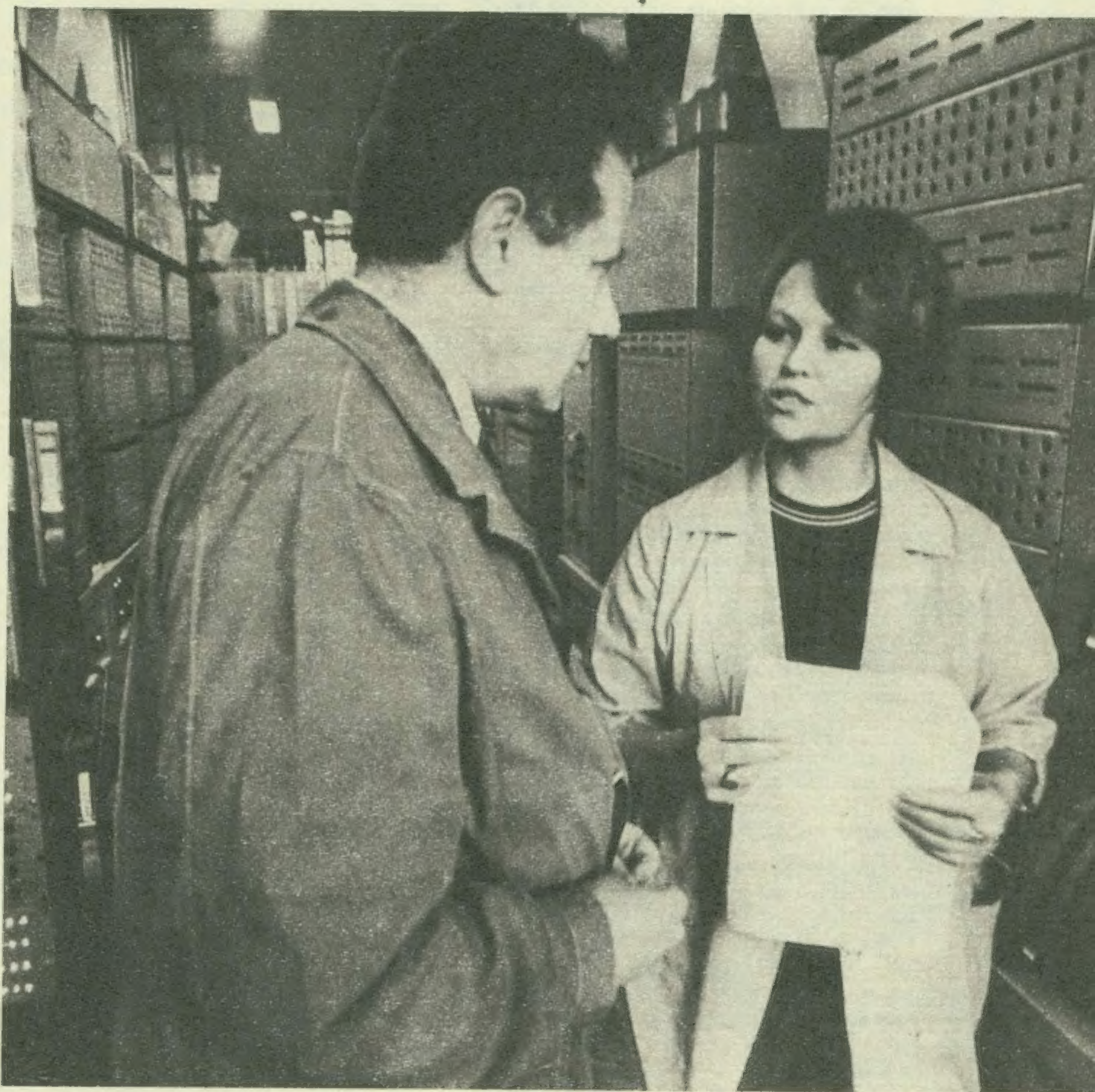
Осмотрев бункер, просторные комнаты канцелярии, в том числе огромный «наземный» кабинет Гитлера и его стол, выходим наружу. Пять этажей. Вытянутые окна (стекло, конечно, нет). Прямоугольные колонны, к которым ведут семь ступеней. На них еще лежат трупы последних приверженцев фюрера. Здесь же валяются железные кресты... А над Берлином гремит салют Победы — из автоматов, поднятых над головами, из пулеметов, из зенитных пулеметов. Не стреляют только танки и артиллерия: командование запретило.

Возле имперской канцелярии тоже восторженно бушевал митинг второго мая. Его открыл подполковник, представитель политотдела нашей 5-й ударной армии. Выступали пехотинцы, танкисты, артиллеристы. Эх, если бы те речи были записаны на пленку!

Митинг закрыт. Теперь — в редакцию. Сдавать отчет о втором мая сорок пятого года.

МУЖЕСТВО БУДНЕЙ

См. 2-ю стр. обл.

Будничные хлопоты. Начальник цеха радиоламп И. В. Шабшин и начальник участка Г. И. Дрозд.

надцать на сэкономленных материалах. Ну что ж, так оно и должно быть. Авторы почина!

Но как бы громко ни гремели трубы и литавры, не могут они звучать вечно. Все исключительное становится жизнью, входит в ее плоть.

В начале 1974, определяющего года пятилетки бригада Арефьевой, откликаясь на Обращение

ЦК КПСС и разрабатывая встречный план, взяла еще более сложные обязательства. Они стояли многих раздумий, тщательных расчетов и Галине Арефьевой, и самим монтажникам, комсомольцам и коммунистам бригады, и начальнику участка, инженеру Галине Дрозд.

...Галина Дрозд. Начальник, подруга, соратник, советчица. Близ-

кий человек. С нею — первые радости, первые успехи, первые победы. И с нею — те трудные дни, когда отгремели входные фанфары, и почин бригады стал буднями, стал тем стилем работы, который требует постоянных сложных действий всего коллектива. Будни куда больше нуждаются в мужестве — известная аксиома. И только мужество в буднях гарантирует успех делу.

Участок «двух Галин», вступая во второй год существования почина, сосредоточился, напряг все силы. Положение обязывало. Не отставать же в конце концов от самих себя. Не отставать. Не снижать темп — вот задача.

За счет чего экономятся материалы? За счет улучшения качества труда и за счет улучшения качества деталей. По двум этим главным направлениям и шла Галина Арефьева.

Постоянное сотрудничество с заводскими цехами, улучшение технологии производства деталей — тут Галя действовала со свойственной ей энергией, опираясь на помощь технологов и руководителей производства. Не всегда эта помощь приходила легко. Так было, например, с подогревателями. Это деталь такая в радиолампочке, по ней было больше всего расхода материалов, потому что завод-изготовитель поставлял ее в недоработанном виде. Доделочную операцию производили монтажники и, надевая трубочки на ножки подогревателя, покрытые чистым алундом (изоляцией), невольно прикасались к ним пальцами. Появлялся брак.

Брака можно было избежать, если бы завод-изготовитель надевал трубочки сам, на своем оборудовании, сохраняя чистоту алунда.

Изготовитель не соглашался: хлопотно! Шабшин пытался двинуть дело. Ходил к главному инженеру, искал помощи в заводском управлении. Изготовитель на все запросы помахивал.

Тем временем Арефьеву пригласили в министерство на совещание рационализаторов. Его вел сам министр. Галя попросила слова.

— Товарищ министр, — сказала она. — Говорят, это мелочь, а от нее зависит качество. Уж извините, что к вам с таким пустяком обращаюсь...

На следующий день в цех позвонил главный инженер завода-изготовителя и попросил Арефьеву. Галя подошла к телефону, слушала, кивала. Оказывается, завод уже приступил к изготовлению оснастки для доделочной операции. Шабшин сидел рядом за своим столом и тихо ликовал. Галя положила трубку. Телефон зазвонил снова. Из министерства интересовались: сдвинулось? Министр нечеткости в работе не терпел.

Вскоре поступила опытная партия готовых подогревателей. Так бригада Арефьевой помогла не только себе, но и всем монтажникам цеха. Тут все было в порядке. Сложнее обстояло дело с самой бригадой.

Когда родился почин, в бригаде было девяносто шесть человек. Девяносто шесть женщин, в большинстве молодых, учащих, влюбляющихся, выходящих замуж и становящихся мамами, уезжающих в другие города, на комсомольские стройки, к родным в колхоз. Мало ли, как может повер-

нуться молодая судьба, мало ли куда поманит она начинающего жизнь человека? И в силу разных обстоятельств получилось так, что людей в бригаде поубавилось. А напряженные обязательства остались. И остались те, на чьи плечи легла вся ответственность за их выполнение. От мастерства монтажниц теперь зависело многое. Они трудились, месяц за месяцем «вытаскивая» план, проявляя чудеса выдержки, сосредоточенности, аккуратности. Им было трудно, но ведь они — авторы почина! Обязательства выполнялись. И даже перевыполнялись.

И вдруг при поквартальном подведении итогов соревнования по заводу бригада Галины Арефьевой не получила классного места...

Вот что услышала Галя в том оборвавшемся при ее появлении разговоре. Они, авторы почина, оказались позади других бригад!

В чем же дело-то? Бригада справлялась с заданием, а все же другие ее перегнали. Монтажницы заволаговались, бросились к Галине. Но она не высказала обиды, сомнений. Ну что же, может быть, другие нашли лучшие резервы. И бригаду Арефьевой могут перегнать. Почему же нет? А они должны работать, делать свое дело. Добиваться еще лучших результатов. Так она поддерживала подруг. А сама думала порой: чего мне стараться, чего мне добиваться — мы последние...

Самые горькие мысли приходят тогда, когда затрачены усилия, а результат ничтожно мал. Настает пора сомнений в себе, неуверенность в правильном выборе пути. Мучает ощущение, что ты уже не нужен, что все совершенное тобой — в прошлом. Быть может, так переживала и Галя те трудные дни. «Быть может» — потому, что подтянутая, аккуратная, как всегда, она справлялась со своими многочисленными обязанностями. Лауреат премии Ленинского комсомола, депутат Моссовета, Галя работала как всегда, не делая из своих личных переживаний событие. Она живет, как обычно. И заводская жизнь идет своим чередом, забот у мастера хватает.

...Пришли в бригаду молодые девушки. Решается их трудовая судьба: приживутся ли, найдут ли здесь свое место? Присматривается к ним Галя, пытается понять. Две девочки попали сюда прямо после десятилетки. Внимательные, стараются! А две — уже с «опытом». Одна была кондитером, другая — продавцом в магазине «Игрушки». Тут пошли капризы: не хочу работать с микроскопом, не хочу стоять на контроле!

Прибегает «кондитер» к Галине:

— Посадите меня на монтаж! Там в микроскоп глядеть не надо!

— Кто это тебе сказал? — удивилась Галя.

— А вот она не глядит! — И показывает на Яну Бобровскую.

Тут Галя не выдержала, улыбнулась.

— Правильно, не глядит. Она на ощупь чувствует. А ты? Почувствуешь? Есть у тебя сноровка?

Яна Бобровская — гордость цеха, ее движения легки, почти незаметны. У виртуоза все кажется легким.

Прибегает другая:

— Ой, ой, ослепла! Не вижу!

Действительно, глаза слезятся, устали. Галя позвала оптика. Девчонке и в голову не пришло, что микроскоп нужно наладить, приспособить к глазам. Повертели, покрутили. Оптик внимательный, постарался, научил, как инструмент подправлять.

На следующий день Галя спрашивает:

— Ну, как?

— Вижу! — улыбается.

Ох, молодо-зелено, нетерпеливо...

Постепенно, шаг за шагом, предстоит подвести их к главному секрету рабочей науки.

Есть монтаж качественный.

Вот лежат перед монтажницей детали — можно негодные отбросить, из годных собрать лампочку. Качество будет, экономии — нет. Монтажница по закону права — она должна работать с качественными деталями.

Но... можно и не отбрасывать негодные, а исправить. Что-то ведь недосмотрели, что-то погнулось при транспортировке. Немного терпения, и вот она появляется, экономия ценного материала. И вместе с этим новым умением приходит к тебе моральное удовлетворение. И ты, создав, сохранив вроде бы крупинку, восходишь на вершины рабочего мастерства.

Немного терпения, внимания, заботы...

Работала в бригаде Таня Парамонова, ничем не примечательная. И вдруг является к Галине Арефьевой, прямо с комсомольского цехового собрания. Заявляет:

— Вот что: теперь буду работать так, чтоб мне ну не орден, а хотя бы медаль дали!

— Батюшки, — говорит Галя, — да что случилось-то?

— А Шабшин у нас выступал. Мы, говорит, в цехе на корифеев надеемся и опираемся. Что же вы, молодые, нам опорой не служите, с корифеями не равняетесь? Или руки у вас хуже? Где ваши силы молодые?

И силы молодые проснулись в Тане: норму на 180, 200 процентов выполняет! План полугодия — за четыре месяца! Учитесь в девятом классе. Любое поручение ей дай — выполнит. В конце января 1975 года Таня Парамонова была удостоена чести сфотографироваться у Знамени Победы. Галину взяла в оборот: хочу с Яной Бобровской соревноваться!

Но тут Арефьева ее остановила. Яну ей было не догнать, та уже завершала личную пятилетку. Соревнование должно быть на равных. Галя отлично понимала, какой это сложный и тонкий психологический инструмент производства — социалистическое соревнование. Какая мощная это сила и как остро чувствуют ее люди! Эта моральная сила должна служить человеку, поднимать его. Поэтому она, мастер, тщательно продумывала кандидатуру будущей «соперницы» Тани. Обе они должны выиграть. Обе вырасти. Для того и соревнование. Значит, у обеих должен быть равный старт. Равные возможности.

Галя поняла это на собственном опыте. Ведь очень остро переживала бригада свою неудачу. С этой неудачей не могли смириться и в цехе. Тоня Жук и Шабшин отправились в заводской комитет. Нужно было понять, в чем проблема бригады Арефьевой, и

они стали изучать показатели других бригад.

И обнаружили...

Оказалось, что другие бригады перегнали авторов почина по одному показателю: по процентам перевыполнения своих обязательств. Тут и крылся секрет.

Вопрос был очень острым: бригада Арефьевой взяла максимально возможные, напряженные обязательства. Почину шел второй год, и все резервы предельно использовались. И все же даже на этом высоком уровне производительности бригада превыполнила выполнение своих обязательств. Но ненамного, естественно.

Другие же бригады не использовали еще все свои резервы. А когда эти резервы пошли в ход, они, естественно, превыполнили свои обязательства намного больше. И получили классные места.

Шабшин и Тоня Жук пришли к выводу — завком ошибся. Это неверный принцип. Так еще, чего доброго, выгоднее будет брать легкие обязательства, а потом перевыполнять их. Пришлось спорить и доказывать свою точку зрения.

Когда подводились итоги за следующий квартал, честь бригады Галины Арефьевой была восстановлена. И снова авторы почина заняли место в ряду пяти лучших бригад. И в сводке генерального директора производственного объединения МЭЛЗ В. И. Виноградова вновь появилось имя Арефьевой. Монтажницы, должно быть, и не знали, сколько глаз следило за судьбой бригады... Есть важнейшая истина на свете — труд. Он справедливый критерий всему.

Иной раз большой, пышный результат по своей пользе и важности не сравнится с маленьким, но фундаментальным успехом. Есть камни краеугольные — на них держится здание. Справедливое признание дает новые силы. В первые дни 1975 года бригада мастера Гали Арефьевой наметила новый рубеж. На этот раз монтажницы сформулировали его так: к 30-летию Победы довести общее количество дней работы на экономленных материалах до тридцати. Чтобы понять смысл этого обязательства, прибегнем к арифметике. В 1973 году бригада проработала 14 дней на экономленных материалах. В 1974-м — 11 дней. Всего 25. Значит, до девятого мая 1975 года бригаде предстоит сэкономить материалов и проработать на них еще пять дней. При возросших требованиях это очень напряженное задание. Но они не сомневаются в себе, говорят: «Выполним!» Но откуда же, откуда они берутся, каждый раз новые силы? Иной раз, когда в знаменитую бригаду приходит зеленая молодежь, Гале хочется сказать им... Но что именно сказать?

...Совсем, кажется, недавно сюда пришла она, такая же семнадцатилетняя, пришла из скудного детства, не одобряемая в своем выборе матерью. Эти стены защитили ее от скуки бессмысленного существования, от унылой работы ради заработка, пробудили в ней Личность, сделали Гражданином, возвели на высокие трибуны, научили терпеливости и умению бороться, взяли все ее мысли и чувства, а возвратили — стoriцей! — полную жизнь.

Да как все это сказать?

Может пройти слава, проходит человеческая жизнь, и только то, что каждый день совершается здесь, в заводских стенах, вечно.

Ю. Пименов.

МОСКВА ВОЕННАЯ.

В. Трифонов. 1941 год. ЮНОСТЬ.

ВАЛЕНТИНА СПЕРАНТОВА

Мих. АЛЕКСАНДРОВ

— Вот я, например, зимой подкармливаю птиц. Они при-
выкли. Стучат носиками в стек-
ло, если забуду насыпать кро-
шек...

Маленькая седая женщина
ходит по комнате, что-то пере-
ставляет, ей не сидится, такой
уж характер. Да и не дают спо-
койно поговорить: хоть час
поздний, но телефонными звон-
ками еще продолжает вры-
ваться в квартиру деловой
день, не уложившийся в свои
рамки. Едва успела ответить
Свердловской киностудии, как
раздается легкий стук в дверь:

— Мама, тут спрашивают, бу-
дешь ли ты на совещании в Ми-
нистерстве культуры завтра в
три.

— Конечно, буду!

Потом звонят из телецентра,
потом из театра, и еще откуда-
то, и еще... Наконец, кажется,
наступает затишье. В соседней
комнате слышна негромкая му-
зыка.

— Так на чем мы с вами
остановились?...

— Вы говорили о птицах...

— Да, правда... Я говорила,
впрочем, не столько о птицах,
сколько о доверии. Ну, давай-
те подумаем вместе: что же
такое артист детского театра?

Валентина Александровна
Сперантова размышляет вслух.
И вспоминает. И эти размышле-
ния, эти экскурсии в далекое и
близкое, эти хождения в про-
шедший и завтрашний день
удивительны своей цельностью,
единством, страстностью. Речь
идет о деле всей жизни. Вот
уже больше полувека поколе-
ния советской детворы не слу-
чайно называют Сперантову
«своим парнем». Ее дружба с
детьми, откровенная и чистая,
продолжается.

...Первые ощущения празд-
ничности искусства, когда
они, восьмеро ребят, мал мала
меньше, слушали, как мать чи-
тает сказки и стихи Пушкина...

...Девятьсот семнадцатый год.
Взбудораженный событиями
провинциальный городок За-
райск. Строгий ритм «Интерна-
ционала». И первая роль в
драмкружке.

— Мальчишки задавались.
Нам, девчонкам, приходилось
самим играть все роли. Я всег-
да была самая маленькая —
со мной не больно считались.
Дали роль древнего стари-
кашки...

Увлекалась синемаграфом,
да еще как увлекалась. До сих
пор помнит крупные слезы на
глазах Веры Холодной — лю-
бимой актрисы экрана.

Фото Н. КОЧНЕВА

Верой Холодной не стала;
поступила в театральный техни-
кум имени наркома Луначар-
ского; окончив, стала играть
беспризорников и пионеров в
первом детском педагогиче-
ском театре при Наркомпросе.

— Помню, нас, молодых ак-
теров, познакомили с Надеж-
дой Константиновной Крупской.
Молчаливая немолодая женщи-
на вышла к нам. Ей сказали про
меня, что, мол, эта девочка иг-
рает героических мальчишек.
Надежда Константиновна заме-
тила: «Это очень хорошо. Это
надо...»

Валентина Сперантова стояла
у истоков советского театраль-
ного искусства для детей. Вме-
сте с ним развивался и ее соб-
ственный талант. Крепла довер-
чивая дружба с озорной и чут-
кой детворой, всегда готовой
поверить правде и равнодуш-
но отворачивающейся от фаль-
ши и лжи.

Громадная ребячья радиоау-
дитория безоговорочно и сра-
зу приняла мальчишек Вален-
тины Сперантовой. С каким не-
терпением все ждали встречи с
ее героями, всегда полной ро-
мантики!

— Доверие... Конечно, оно
приходит от понимания друг
друга. Но еще и от понимания
своего времени... Детство, оно
ведь неодинаково, неоднород-
но. Детвора тридцатых и соро-
ковых годов не одна и та же.
И не то, что нынешние ребята...
Было бы прекрасно, если бы в
репертуаре детских театров и в
кино мы могли бы проследить и
показать ребятам преемствен-
ность героического начала.
Чтобы вечно живое сердце Бо-
нивура, Павки Корчагина, Оле-
га Кошевого слилось в созна-
нии нового поколения с биени-
ем живого сердца Юрия Гага-
рина, верностью и мужеством
комсомольцев — строителей

Амурской магистрали... Жаль,
но мало хороших спектаклей о
сегодняшних днях. А театр,
как я понимаю, должен по-
мочь маленькому человеку
вырасти большим граждани-
ном.

Валентина Александровна по-
молчала, потом сказала, что в
общем-то не следует опасать-
ся того, будто телевидение, ра-
дио, магнитофонная техника
способны когда-нибудь выте-
снить театр из жизни моло-
дежи.

— Никогда этого не случит-
ся! Праздник театра всегда оста-
нется праздником!.. Правда,
здесь тоже непочатый край
проблем и всяких забот. Мы
еще не умеем, не научились
по-настоящему превращать ве-
ликолепные помещения, кото-
рые предоставляет детским те-
атрам правительство, в дома
чудесных встреч! Пожалуй,
только образцовый куколь-
ный театр действительно похож
на «коробочку чудес». Здесь
ребят-зрителей делают не про-
сто гостями, но участниками
этих чудес... Другого такого те-
атра для детей не назову. А их
должно быть много. Что для
этого надо? Поменьше равно-
душия! Побольше фантазии и
практического дела... Разве
нельзя, например, оживить те-
атральные музеи, с тем чтобы
они перестали быть архивами,
а стали интересно рассказы-
вать о пути и жизни каждого
театра?.. Можно устраивать вы-
ставки рисунков, эскизов деко-
раций, костюмов, как, скажем,
в нашем Центральном детском
театре.

А сколько молодых та-
лантливых графиков и живопи-
сцев могли бы устраивать в
фойе выставки своих работ! Сюда так и просятся замеча-
тельные рисунки Н. Н. Жукова
из его Ленинианы — особенно
те, на которых изображен мо-
лодой Ленин! Да, наконец, ка-
кая была бы радость для ре-
бят, если выставлять их соб-
ственные рисунки! Нет, обяза-
тельно надо обо всем этом ска-
зать на совещании в Министер-
стве культуры! Вы, наверное,
знаете, что ежегодную неделю
«Театр и дети» хотят сделать
традицией? Превосходное начи-
нание! Польза будет огром-
ная...

...Так живет народная артистка
СССР Валентина Александровна
Сперантова.

Наверное, сейчас она спешит
на репетицию в театр или на
съемку в павильон киностудии,
а может быть, записывается на
радио или беседует в Доме
пионеров с ребятами из под-
московного села...

Тревожная ночь.

МЫ

На крыше гостиницы
«Новомосковская».

ПОМНИМ...

Трудно назвать военную профессию, которой бы в годы Великой Отечественной войны не овладели наши девушки. Они служили в войсках противовоздушной обороны, вместе с мужчинами входили в зенитные расчеты, несли службу воздушного наблюдения, оповещения и связи, были прожектористками, поднимали в небо аэростаты заграждения. Лучи их прожекторов выхватывали из темноты фашистские «юнкерсы» и «хейнкелы», которые под покровом ночи прорывались к нашим городам, военным базам, железнодорожным станциям.

Работая во время войны фотокорреспондентом в Москве, я видел, как вчерашние школьницы, студентки, работницы, домашние хозяйки охраняли небо столицы. И если на город упало очень немного фашистских бомб, есть в том большая заслуга и наших отважных женщин, героинь противовоздушной обороны. Как очевидец их каждодневного подвига, предлагаю читателям «Огонька» фотографии, сделанные мною в те далекие, грозные годы.

Г. МАКАРОВ

Связистка на линии.

Домой с победой.

СИНИЕ КОЛ

Фазу АЛИЕВА,
народная поэтесса
Дагестана

В Дагестане уже чувствуется весна. У неба глаза полны голубизны, и машет оно солнечным платочком с золотыми кистями.

То тут, то там слышится стук молотка — кто-то строит новую светлую саклю. И, кажется, прямо из-под сильных рук садоводов, пахарей и каменщиков стайками взлетают птицы, поют, прославляют они весну, и солнце, и труд на земле.

Весна! Она не только землю и небо заключила в свои объятия, она завоевала и сердца людей, обворожила, обновила их, и хочется петь, хочется сделать что-нибудь необычное, подтверждающее, что ты еще не стар, что есть еще порох в пороховницах, что ты нужен своей Родине и народу.

...Еду в горы. Сколько раз я ехала по этой дороге и какими разными, одна на другую не похожими были мои поездки! Сколько раз исколесила я эти дороги в кузове грузовика, глотая облака пыли и восхищаясь красотой, созданной природой! Как люблю я эту дорогу весной и летом, и виною тому синие колокольчики. Они задумчивые и грустные, растут большими кустиками по обеим сторонам дороги, и сейчас я, высунувшись из машины, шепчу:

О колокольчики на стеблях тонких,
О голубого неба лепестки,
Вы подняли уже свои шапочки
И обнажили желтые клинки!
О колокольчики в лучах весенних,
Скажите, не скучаете ль по мне?
Я помню вас с далеких дней военных
И каждый раз спешу к вам по весне.

Забия Мамедова с внуками.

Фото Ш. МУСАЕВА

Да, любовь моя к колокольчикам зародилась в те тяжелые незабываемые годы войны. Недаром же говорят, что дружба, прошедшая огонь и воду, нерушима. И действительно, дружба наша зародилась не за красиво убраным столом, где в хрустальной вазе голубели колокольчики, и не летним солнечным днем на зеленом бархате поляны впервые увидела я их синий взгляд.

Началось все с того дня, когда мы, сироты войны, шумной ватагой бегали по пещерам, по развалинам, искали крапиву и щавель, чтобы вечером, сварив их, поужинать. И, когда между камнями срывали малюсенькие листики крапивы, вдруг слышали мы глухой, как

бы из ущелья доносящийся страдальческий голос. Мы все настороженно подняли головы. На самом краю развалин чудом стоял ветхий домик, к двери которого поднималась кривая лестница в несколько ступеней. У почерневшей от времени двери стояла старая Патимат, мать четверых сыновей, которые были на войне.

— Дети мои, не письмо ли мне?— спросила она.

— Нет, мы ищем здесь крапиву!

— Вай, аллах, каждый день ищут, рвут, и не кончается эта крапива! Чем больше себя отдает, тем быстрее и гуще растет. Раньше я не знала, что крапива такая добрая. Кусачая,

колючая, а когда людям нужна — такая хорошая, — причитала старушка.

Мы подняли вверх руки с зелеными пучками.

— Да, тетя Патимат, здесь еще есть крапива!

— Только, прошу, дети милые, не трогайте там кустик колокольчиков. Мой Абдулхалик очень любит их, я посылаю колокольчики ему туда, на фронт, в письмо.

Говоря, Патимат спустилась с лестницы и подошла к нам. И мы только тогда заметили у полуразвалившейся стены большой куст крупных синих колокольчиков. Земля вокруг них была разрыхлена, выхолена,

ОКОЛЬЧИКИ

ни пылинки, ни соринки. Они росли на тонких стеблях, лепестки голубого неба. Крупные, прозрачные чашечки их были подняты, и как бы из самой глубины их души стреляли обнаженные желтые клинки. Сколько я видела в горах и на лугах этих колокольчиков! Не я ли жадно рвала их, не я ли, сначала подув в цветочную чашечку, как в трубу, а потом ударив ими в лоб, взрывала их, как хлопушки, а красoty никогда не замечала? И тут я забыла о голоде, о крапиве, о том, что дома еще двое маленьких сестер с надеждой ждут меня, старшую, с крапивой для похлебки, а маму, санитарку больницы, с куском хлеба. Что-то защемило в моем сердце. Я подошла к колокольчикам и осторожно погладила их рукой. Они как бы восторжеслись, и на мою шершавую ладонь одна за другой упали чистые, как свет, капельки.

— Они плачут, тетя Патимат. О чем? — спросила я.

— Плачут! — вздохнула Патимат, и я видела, как она кончиком черного платка вытерла слезы.

Я не знаю, о чем они плакали. Может быть, им жалко было нас, голодных сирот, может быть, они увидели еще не высохшие слезы нашего вожака, мальчугана, веснушчатого. Сайгида, только вчера получившего похоронную на отца. Может быть, им жалко вот эти руины. За два дня до войны четверо рослых и красивых сыновей Патимат, разрушив старый дом, хотели заложить новый, для самого старшего, чтобы он привел сюда свою смуглолицую невесту.

— Пойдемте ко мне, дети мои.

Мы вошли в ее комнату. Четыре белые бурки с четырьмя папахами висели на стене. Как стоящие в строю, меньшие шли за большими.

— Вот, готовила я им на свадьбу, — сказала Патимат.

Потом у нас на ладонях оказалось по куску творога, на котором поблескивало вкрапленное сверху сливочное масло — круглое, величиной с грецкий орех...

А вечером, как всегда, я писала письма на фронт. Мне диктовали по очереди женщины. Писала я и сыновьям их, и мужьям, и братьям. Не знаю, когда наши женщины спали. Я все время видела их у нас дома. Собравшись вместе, одни вязали варежки и носки, другие шили теплые фуфайки, а мама все время стирала. Она приносила белье из больницы домой. И в тот вечер мама тоже стирала, но я заметила, что она пришла какая-то убитая, больше, чем всегда, уставшая, и глубоко запали ее серые глаза. Они смотрели испуганно, в них было отчаяние, но нам она ничего не говорила.

— Слыхала, и к нам раненых привозят, — сообщила Хатимат, звеневая колхоза.

— Да, вся больница и амбулатория отданы под госпиталь. Вот я принесла... — Мама вытряхнула из мешка окрашенный кровью ворох белья и бинтов. Женщины запричитали:

— Ой, родные наши!

— Кровь наших сыновей тоже, наверное, смывают другие матери.

— Какие молодые, если бы вы видели! — зарыдала мама, но тут же взяла себя в руки.

Горянки засучили рукава платьев и начали стирать вместе с моей мамой.

— Мой воюет в Белоруссии. Пишет, у них там женщины такие, что не боятся ничего. Под пулями, прямо в окопы, несут кринками молоко, хлеб, картошку, — рассказывала Хатимат.

— А мой пишет, что русская девушка Наташа спасла ему жизнь. Я ответила, привези, сынок, ее, когда кончится война, — говорила Аминат.

— Вылей, Фазу. — И мать показала на одно из двух ведер с кровавой водой.

— Куда ты ее выливаешь? — спросила старая Издаг.

— Во двор, — ответила моя мать.

— Что ты, доченька, это же кровь наших сыновей! — Издаг взяла другое ведро и вышла вместе со мною. Она повела меня в огород, где росли деревья, и, читая какую-то молитву, вылила оба ведра на корни. Потом всю воду, в которой стирали окровавленное белье, Издаг сама носила в огород. А я прилегла, и задремала, и, уже засыпая, услышала слова мамы:

— В больнице так холодно, дров нет...

А утром чуть свет я услышала шум, вижу, женщины толпою стоят у нас на крыльце и ждут мою мать. За спиной у каждой из них плетеные корзины, наполненные кизьяками, а в руках свертки, завязанные в белые платочки.

— Я взяла масло и зарезала курицу, — говорила одна.

— А я вот берегла к возвращению Амира мед, очень уж он любил его, с детства привык, у нас всегда пчелы бывали. Мед целебный! — показала большой глиняный кувшин Калимат.

Тут была и Патимат, мать четверых фронтовиков. В одной руке у нее тоже был сверток, а в другой она держала синие колокольчики, которые роняли слезы. Наверное, они сейчас плакали о тех раненых русских сыновьях, что лежали здесь, в госпитале аула, куда горянки спешили, как к родным своим сыновьям.

И я бежала в хвосте этой большой толпы до самой крепости, несла пачки писем-треугольников, написанных моей рукой. Но на этот раз в каждом треугольнике лежали лепестки синих колокольчиков.

После этого я писала письма каждую ночь. И на фронт летели синие колокольчики, неся бойцам привет и аромат родимых гор.

Как ясно вижу я и сейчас, сквозь прожитые годы, кустик колокольчиков перед домом старой Патимат. Сколько чашечек синих держал на себе каждый тоненький стебелек! И, вспоминая тот кустик, я вижу тогдашних наших женщин. Проворные, легкие. Стеганные фуфайки, кирзовые или резиновые сапоги. Вот они идут за плугом, оставляя за собою глубокие борозды, всем своим телом налегая на рукоятки плуга. Вот из их рук падают в борозды зерна. Поднимаются в горы отары — за ними женщина в черной бурке с посохом в руке.

Пестреют в июньском ясном дне ситцевые платочки, на серпах ломаются солнечные лучи — идет жатва. Поле, как бритая наголо голова, под самый корень сжато — надо дорожить не только каждым зернышком, но и каждой соломинкой на корм скоту. Женщины на своих спинах таскают на гумно снопы, молотят и молотильными досками и руками. Женщины, сидящие в ряд, дружно ударяют толстыми палками по колосьям, отсеивают зерно, а если в колосе затаилось хоть одно зернышко, растирают колос между ладонями...

Тогда я думала, что война — это лишь гром орудий, свист пуль, стоны раненых. И что подвиги совершаются лишь в бою. Теперь, с вершины лет, я понимаю, что подвиги совершались не только на фронте.

Помню, каждый день уходили на фронт посылки, в которых лежали теплые носки, варежки, шапки, фуфайки, носовые платки, сушеные фрукты. Однажды собирали металлолом. Сперва в маленькой комнате сельского Совета на полу появились какие-то ломаные тазы, ведра...

— Женщины! Это же для фронта, чтобы делать танки! — сказала Муминат, невеста старшего сына Патимат, Абдулхалика, и бросила на пол новый блестящий кувшин и большой медный саргас.

Женщины разошлись, чтобы вернуться с кувшинами, саргасами, тазами. Я видела, как летели в эту горку меди серебряные браслеты, пояса.

— Что вы, девушки, вам еще замуж выходить, кувшины и саргасы пригодятся! — говорила Издаг, а сама тоже принесла два кувшина и большой медный таз.

— Сперва врага надо победить, а кувшина хватит и одного, чтобы за водой сходить, — ответила Муминат. — Мне мама приготовила семь кувшинов и три саргаса. Шесть кувшинов и один саргас я отдала...

И увезли в тот день из маленького нашего аула полный грузовик горячей на солнце меди...

Прошли годы, залечились раны, нанесенные войной, и я стала взрослой. Маленькая тропинка с горных вершин довела меня до литературного института, окончила его, сама стала матерью. Помня наказ бабушек аула — «стране нужны сыновья», — родила четверых.

И вот судьба в один из солнечных дней весны привела меня в город Хасавюрт. Конечно, никогда бы я на этих девочек не обратила внимания, если бы не мои любимые синие колокольчики. Девочка лет тринадцати держала в руках большую охапку этих цветов, они покрывали всю ее грудь.

— Где же ты их достала? Какие красивые! — восторженно говорила ей подружка. Я остановилась и не могла отвести завороченных глаз от букета.

— Это я бабушке, она очень любит синие колокольчики. Это для нее будет самый хороший подарок. Знаешь, я встала в четыре часа утра и поехала в поле, туда, за Миятлы, и собрала их, — отвечала, захлебываясь от радости и счастья, девочка с колокольчиками. Слегка выщипывая волосы, продолговатое лицо придавали ей какой-то незнакомый облик.

— Счастливая твоя бабушка, сколько у нее сегодня будет подарков! — не тая зависти, сказала другая девочка.

— Конечно, нас же у мамы много. Но мой подарок будет самым лучшим! — И она прямо на тротуаре закружилась на удивление прохожим.

И все вокруг залилось синим цветом. «Дзин! Дзин! Дзин!» — зазвенели колокольчики. И я вспомнила ту развалину, дом старой Патимат и кустик синих колокольчиков под стеной. Не дождалась старая Патимат своих сыновей с войны. Умирая, она завещала продать все свои вещи, а деньги от продажи вместе с небольшими сбережениями отдать детскому дому.

Позже, когда на ее могиле уже цвели посаженные мною синие колокольчики, я однажды пришла к тому, нами сохраненному кустику. И вдруг увидела у полуразвалившегося дома, над трубой которого клубился дым, мужчину в солдатской гимнастерке, с большим шрамом на левой щеке. В руках он держал лопату. Это был один из четверых сыновей Патимат, самый младший. Он закладывал фундамент нового дома, и я увидела, как он загнал лопату под самый корень кустика колокольчиков.

— Не троньте их! — крикнула я солдату. И этот крик остановил его. — Не троньте колокольчики, не троньте, мы их в письмах посылали вам на фронт.

И тут на пороге появилась молодая женщина с длинными распущенными волосами. В руках она держала какую-то бумагу.

— Ахмед, не трогай колокольчики! — крикнула и она. — Посмотри, что я нашла!

Ахмед положил лопату и одним прыжком поднялся к ней. Подошла и я. Женщина держала в руках конверт, на котором крупными черными буквами был написан адрес. Из конверта она вытащила три лепестка засушенных колокольчиков. Один из них был окрашен кровью.

— Это друг твоего брата прислал матери. Когда брат погиб, нашли у него в нагрудном кармане, — объяснила она.

А тут несколько женщин гурьбою ворвались во двор.

— Вабабай! Увидели дым над крышей, думаем: неужели вернулся? — кричали они.

Начали обнимать Ахмеда, целовать.

— Как рада была бы Патимат. Ни одного не дождалась...

Потом они настороженно посмотрели на женщину с длинными распущенными волосами. Она стояла молча.

— Это Валя, моя жена, она спасла мне жизнь, раненым вынесла с поля боя, выходила в землянке, — объяснил Ахмед.

Первая осмелилась Хатимат.

— Ох, солнышко наше, невеста наша желанная. — И бросилась целовать Валу. А за нею и другие.

Когда мы вошли в комнату, то увидели растеленную на земляном полу солдатскую шинель, вместо подушки — две ушанки с красными звездочками, а вместо одеяла — другая шинель.

— Ох, милые, родные, на полу-то спали! — заплакала Издаг. — Что же ты, Ахмед, перед невестой представляешь нас такими негостеприимными! Не мог постучаться в любую дверь?

— Мы поздно ночью пришли, — виновато объяснил Ахмед и добавил: — Мы к окопам привыкли, так что эта постель для нас — как пуховая! — Он улыбнулся и перевел на русский язык слова женщины. Валя тоже улыбнулась им.

Горянки собрались вокруг Хатимат, что-то зашептали друг другу, исчезли и быстро вновь появились. Кто принес подушку, кто матрас, простыню, кастрюлю, вилки, ведро с разведенной белой глиной. И стали белить комнату, чинить очаг.

А вечером в уже убранной комнате, оживленной огнем, освещенной лампой, собрались почти все аульчане. Зазвучала песня — первая со дня начала войны песня в нашем ауле. И я тогда, вспомнив Патимат, сорвала синие колокольчики и, налив воды в бутылку, поставила ее перед Вaley. Она подняла на меня синие-синие глаза, и мне показалось, что в зрачках ее качнулись колокольчики.

...Но вернемся к девочке, которая все кружилась на тротуаре. Я подошла к ней.

Колокольчики! Они и мои любимые цветы! Я хотела погладить ее, но девочка насторожилась, отскочила:

— Это бабушке!

— Я тоже хочу поздравить твою бабушку.

— А вы знаете мою бабушку? — спросила она уже доверчиво.

— Кто же твою бабушку не знает? — вмешалась другая девочка. Эти слова возбудили во мне острое любопытство:

— Знаю! Пойдем!

...Меня долго не замечали, потому что столько было радости и восторга от этих колокольчиков — не только у бабушки и дедушки, у всех собравшихся. Все обнимали, целовали щупленькую, еще не старую женщину.

Разделив букет, поставили цветы в банки, а потом показывали подарки.

— Неужели это все ее дети и внуки? — спросила я.

— Да, ее. Я — тоже ее!..

— Да не шутите, вы же на нее совсем не похожи.

— Ну и что же? Чтобы стать матерью, не обязательно родить, но обязательно вырастить. Меня зовут Лида...

Меня заметили и пригласили к столу. Так я познакомилась с семьей Магомедовых. Синие колокольчики навели на след величайшего человеческого подвига, подвига простой женщины, понимающей свой высокий долг перед Отчиной. Она одна из тех женщин, без которых не было бы Победы, без которых не держался бы так мужественно тыл и так стойко фронт. Она одна из тех, кто приблизил своей самоотверженностью Девятое мая.

В год, объявленный решением Генеральной Ассамблеи ООН годом женщины, в канун 30-летия Великой Победы снова вспомнила я об этой простой кумычке Забии и ее муже Исламе.

Тяжелым было детство Забии. Рано осиротела, росла бесправной в доме дяди. Подростком выдали замуж за человека, которого она никогда до этого не видела. Муж был в три раза старше Забии. Она узнала, что дядя продал ее за большой калым, поэтому муж позволял себе обращаться с ней грубо и надменно. Через пять лет он умер, оставив на руках только что достигшей совершеннолетия жены трех детей...

Ислам Магомедов — аvarец, у его отца было пятнадцать детей и ни клочка земли. Постоянное недоедание, скверные условия жизни, болезни, от которых никто не лечил, делали свое страшное дело: многие сестры и братья Ислама умерли в раннем возрасте, и еще в 1922 году умер отец. Чтобы прокормить оставшихся братьев и сестер, Ислам по совету добрых людей поступил на завод в Хасавюрт, а с 1929 года начал работать в милиции. По долгу службы Исламу Магомедову часто приходилось выезжать в различные селения. Как-то молодой милиционер ехал с поручением в селение Чанка-Юрт. Стоял ясный, солнечный день. Листья на деревьях и трава в степи, омытые недавно прошедшими дождями, сверкали изумрудом, от легкого дуновения теплого ветерка волнами колыхалась густая тяжелая пшеница, и на межах голубели колокольчики, и среди них, печально опустив голову, с мотыгой на плече стояла девушка и гладила цветы. Ислам остановил коня и сказал:

— Завидую этим колокольчикам!

Девушка подняла голову и улыбнулась.

— Они очень красивые, им можно позавидовать!

— Да и вы не менее прекрасны, — сказал Ислам и в первый раз при виде девушки почувствовал какое-то необъяснимое волнение.

— Идите своей дорогой, — сердито ответила она, отвернувшись.

— Но я вас все равно найду! — крикнул Ислам.

Он нашел ее. И не раз приезжал и на поле и в аул. Однажды на том же поле среди синих колокольчиков, преодолевая смущение, сказал:

— Забия, я одинок, давай поженимся, ты мне очень нравишься.

— И ты мне тоже! — ответила она, опустив голову. — Но я никогда не буду твоей женой.

— Почему же?

— Хотя мне лишь двадцать лет, но я уже вдова, у меня трое детей. Я не могу их бросить. — Она с тревогой посмотрела на него и ждала, что он сейчас же уйдет. Но его не по годам суровое лицо расплылось в улыбке.

— Ну что же, вместе будем растить их, разве вдвоем не легче это делать?

...Первым из детей, кто назвал Ислама папой, была самая меньшая; Маржан, а старшие помнили отца и держались отчужденно. Но не прошло и месяца, как от этой отчужденности не осталось и следа. Едва в коридоре раздавались шаги возвращавшегося со службы Ислама, как дети сломя голову выбегали навстречу.

...В сорок первом война настигла и Хасавюрт. Стали привозить эвакуированных детей. Увидев, как выводили из вагонов бледных детишек, человек в милицмейской форме быстро зашагал домой.

— Забия, — сказал он жене, — пойдем утром в детский дом: пусть хоть у одного из тех, кого я сегодня видел на вокзале, будут мать и отец.

Очутившись среди мальчиков и девочек, лишенных родительской ласки и любви, Забия почувствовала себя как-то неловко, будто она в чем-то виновата перед ними. Всех забрать было невозможно. Но одна из девочек особенно приглянулась ей, и, узнав от воспитательницы ее имя, Забия подошла к ней, ласково произнесла:

— Мадина, дочь моя, иди ко мне.

Девочка испуганно посмотрела на Забию. Видимо, она еще помнила своих родителей.

— Я же твоя мать, почему ты забыла меня, Мадина? — настаивала Забия.

Девочка не двигалась с места.

— Я же долго болела, Мадина, не могла до

сих пор прийти к тебе. Вспомни, как я тебя купала в мыльной пене.

— И я пускала мыльные пузыри! — крикнула девочка.

— Да, да, большие мыльные пузыри, — говорила Забия, раскрывая свои объятия.

Тут к ним подбежала другая девочка, ухватилась за подол платья Забии и зарыдала.

— Я тоже хочу маму!

Решение пришло мгновенно, Забия склонилась над ней и, целуя ее, сказала:

— Вай, я думала, что ты в другом детдоме, хотела сейчас же за тобой пойти с Мадinou.

— Она — гречанка, Макка зовут, — шепнула Забии воспитательница.

— Неважно, — тихо ответила Забия.

Так в семье Ислама и Забии появились еще две девочки.

От Ислама у Забии не было детей. До войны они удочерили одну сиротку, а сейчас Забия привела домой брошенных войною на хасавюртовский вокзал еще двоих.

Где-то далеко гремели бои, а в доме у Магомедовых беспечно зазвучали голоса добрых, милых детей с аварскими, русскими, греческими, кумыкскими, ногайскими, чеченскими и даргинскими именами.

...Враг уже подходил к Грозному. Гитлеровцы угоняли в Германию женщин и девушек. Лидия Цалиевой вонзили штык в ногу, отняли ребенка и втолкнули в товарный поезд. Страшный, неотвратимый стук колес, где-то там в крошечном аду плакал ее сын, а за окном уже уплывали последние огни родной Осетии... Но ей чудом удалось выжить. Партизаны успели отцепить три последних вагона, в одном из них была и Лида.

Судьба привела ее в Хасавюрт, но некуда ей здесь идти. Стояла она среди толпы на костылях. И вдруг она уловила на себе чей-то участливый взгляд, красивая женщина в красных туфлях подошла к ней и спросила: «Болит?» «Очень болит», — отвечает, еле выговаривая слова, Лида. «Пойдемте ко мне!»

Так Забия Магомедова спасла осетинку Лиду, у которой было в то время двустороннее воспаление легких и незаживающие раны на ноге. Девять месяцев выхаживала ее Забия: из трав варила лекарства, доставала и стирала бинты, перевязывала.

Потом Забия привела в дом еще и бабушку Веру с внуком, тоже заброшенных в Хасавюрт войной, а потом Женю Путилову. И детей в то время у Ислама и Забии собралось уже пятнадцать душ. Всеми силами продукты запасали с осени. Принесет Забия кукурузы, наварит шурпы, заправит толчеными грецкими орехами и разделит всем поровну...

...Все это рассказывала мне Лидия Васильевна Цалиева, ныне работник профессионально-технического училища в Хасавюрте.

Лидия Васильевна душой в свою маму, Забию Магомедову. Все воспитанники детского дома, где она раньше работала няней, перепишутся с ней как с близким, родным человеком. Есть у горцев пословица: доброго добро не обходит. Через восемнадцать лет Лидия Васильевна нашла и первого своего сына, Эдика, которого фашисты отняли у нее в Моздоке. А третий сын, Володя, приемный. Лидия вырастила его и вывела в люди. Сейчас он служит в армии.

Почти все сыновья и дочери Ислама и Забии Магомедовых выросли, стали самостоятельными. У каждого из них теперь свои заботы и радости...

И вот сегодня, на горной дороге, эти синие колокольчики напомнили мне о подвиге Забии и Ислама, о многих женщинах, о которых я хотела бы рассказать. Но их так много, что и десяти жизней не хватит для этого.

Милые, дорогие женщины, мне хочется в этот наш год, накануне юбилея тридцатилетия Победы над фашистской Германией выразить свою любовь и восхищение вами, женщинами нашей страны, перенесшими много бед, отказывавшими себе во всем ради того, чтобы Родина цвела и поднялась на космические высоты.

...Еду по освещенной солнцем горной дороге. «Дзин! Дзин! Дзин!» Звонят колокольчики, напоминая о былом, чтобы я умела по-настоящему любить жизнь и ценить сегодняшний день, солнечный день, доставшийся нам дорогой ценой. И я шепчу:

С тех пор уж весен минуло немало,
И сколько ни дарили мне цветов,
Из чьих бы рук цветы ни принимала,
Ваш синий-синий слышится мне зов.

Вы, колокольчики, вдруг возникали
В любой дороге и в любой стране
И в радости моей, в моей печали
Дарили небеса родные мне!

Лариса СУШКО

Я иду по твоим следам
в несмолкающий день —
этой радости я не отдам,
твоя тихая тень.

И доносится и дрожит,
словно всплесками, речь.
Неугаданный мой, скажи,
как тебя уберечь?

Я иду по твоим следам,
и полощется день,
этой радости я не отдам,
твоя тихая тень.

Неуемны приливы знания:
тыщи градусов горячи!
Не проглнут воспоминанья
у прожорливой той печи.

Новый способ избрал технолог,
и в окне—двадцать первый век;
ну а взгляд его так же долгот
из-под красных, бессонных век.

На уме готовые главы,
что написаны, не дыша,—
клокотанье спящей лавы,
раскаленный салют ковша!

Привиделось зеленое соседство
соленой и светящейся воды,
печатало стремительное детство
по мокрому песку свои следы.

Акации струились в белом
звоне,
томили и тянулись вслед за мной,
и я еще не знала, как изводит
напрасный день, напрасный час
земной.

ЗИМНЕЕ

У погоды поступь лисья—
глубоко тепло земли.

И причудливые листья
по окошку поползли.

Все бело—какая снежность!
От темна и до света
с неба движется неспешно
переменчивая мгла.

Лес то вздрогнет в длинном
гуле,
то затихнет, недвижим.
В белом вихре утонули
снежных елей этажи.

Кто цветы положил на дощатый
порог
и, в раскрытую дверь не взглянув,
удалился?
В бледном небе растаял
полуночный рог,
свет в просторные комнаты
утренне лился.

Чисто вымытый пол под ногами
дышал,
и широкие доски неровно
скрипели.

Смелый ветер насквозь пробегал,
утешал,
доносил до меня позывные
капли.

За гуляющей ставней дымилось
окно,
таял щедрый туман, как недавний
вечерний.
Воскресить не дано, и вернуть
не дано,
и забыть не дано мне бывшее
свеченье.

Евдокия ЛОСЬ

НА ДЕДОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

На дедовской земле, сынок,
озера синие на диво,
а бор сосновый, как звонок,
звонит который век счастливо.
Березок стайка по лужку
бежит, коленями белея,

и звезды сыплются в реку,
как зерна, что дедуля сеял...
На этой сказочной земле
теперь дороги поровнели,
и нивы стали веселей,
и перепелки посытнели.
Врага карая, это тут,
в лесах, скрывались партизаны.
Здесь соловьи теперь поют
и чабрецом цветут поляны.
И гостю с каждого двора
в густом сиреновом тумане
бежит навстречу детвора—
белесенькие ушачане!..

Это, видать, навечно:
будут ходить девчата,
будут глядеть сердечно
мужественные ребята...

Будет забавно с ними,—
забудешь, немолодая,
что над годами твоими
никнет любовь, рыдая.

Парень один гульливый
глянет прямо с порога,—
станешь ты вдруг счастливой,
хоть брови нахмуришь строго!..

Когда б ты ведал, кинулся бы,
знаю,
от рук моих за дальний оком...
Другого голос твой напоминает,
я не одна с тобою—мы вдвоем...
Ты говоришь мне, что влюбился
сразу,
что первой встречей сердце
опалил.
А я молчу, приблизившись к
отказу,
который так другого окрылил.

Им дни жила, во сны его манила,
он гордой птицей плыл передо
мной...
Сдается мне, излишне много силы
я крыльям тем передала весной.

БЕРЕЗА

Согнулась над шумливым
большаком,
завьюженная пылью и песком...
Ни белой той коры, ни тех кудрей,
что испокон в заслугу ставят ей.
Под ветром ветви держит кое-как,
и те уже не ветки, а сушняк...
Но ведь никто же ее не миновал,
когда свой дом надолго покидал.

Того, кого разлука извела,
поила соком своего ствола.
Кто издали глядел на свой куток,
запоминал ее, словно урок
отчизноведенья...
Неправда, что солдаты в снах
своих
глядят лишь на красивых,
молодых!..

Перевел с белорусского
Н. СКРЕБОВ

За горами края солнца не видеть.
Не течет в окно ни свет его, ни
тень...
Что-то письма перестали мне
писать
даже те, что мне писали каждый
день!..

Я печаль не прогоняю за окно
и тоску не доверяю голубям...
Что-то сгнуло недавно, как давно,
что-то рухнуло, разбилось
пополам...
Может, солнце на вершинах
ледяных?
Очи, полные осколочков весны...

Перевел Б. МИХАЙЛОВСКИЙ
Минск

Агнесса РОШКА

МАГНОЛИЯ

Магнолия
белейшая из белых,
Своею белизной обожжена.
Твердеет соль,
и в берег
поседелый
Передвечерне плещет тишина.
Средь круглой гальки пенное
шуршанье,
То всхлипыванье моря,
сонный
плач.

Последний пароход исчез в тумане,
И рваный дым струится, словно
плащ.

Вода дрожит, как будто виновата.
Теряет краски предзакатный мир.
Горячим воском пахнет горьковато
В садах приморских
зреющий
инжир.

Гуденье гор все ближе раздаётся,
И чалит лодка
к берегу теней.
Вдруг поздним всплеском
меркнувшее
солнце
Неутоленно вспыхнуло на ней.

И вновь пустынно,
холодно и
мрачно,
В молчанье грозном горный кряж
навис.

И только берег эхом обозначен,
Качаньем волн:
вверх-вниз,
вверх-вниз.

Я высунула голову
Под сеть
Лучей и аромата проливного.
Я в эту ночь
Хотела умереть,
Чтоб свежим утром
Пробудиться снова.
Ну, а пока,
Вот так перед концом,
Стоять с холодным от росы
лицом.

Знать, что меня
Коснется солнце вскоре
Во всей красе
Нетронутой своей.

А там внизу
Блестит и блещет
Море,
Все в переливах
Солнечных огней.

Перевела с молдавского
Т. СТРЕШНЕВА
Кишинев

Степенно вышли на сцену пожилые женщины в старинной одежде: разноцветные, искусно вышитые кофты, длинные юбки с передниками, легко, свободно повязанные платочки. Не спеша сели рядом, одна из них начала песню «Не целуй меня, мой милый, душу не губи...»; товарки дружно подхватили, и полилась мелодия хрустально чистая, прозрачная.

В зале не шелохнутся, все подчинились обаянию вечно живой народной песни... Ее сменяет другая, задорная: «Под горой калина». Хор поет то чуть печальные, с теплой грустинкой, то раздольно-величавые или шутивно-игривые песни, с приплясом, с добродушным юмором, искрящиеся, словно камень самоцвет.

Где бы ни выступал Черняновский сельский хор — в своем колхозе «Правда» или в соседних хозяйствах, в областном центре Тамбове или в Москве, — концерты неизменно пользуются успехом. Отдавая должное старым песням родного края, собирая по крупицам эти жемчужины, оживляя забытые народные мелодии, хор не мыслит своего существования без современ-

ной спевки... Невысокая эта женщина с ясными, лучистыми глазами стала правой рукой руководителя хора Николая Григорьевича Лисина, заслуженного работника культуры РСФСР. Глава сельсовета Николай Иванович Коняхин тоже души не чает в хоре, — сам солист, принимает участие в концертах, да не один, а вместе с женой и снохой.

Черняное — село песенное, здесь, кажется, воздух и тот насыщен музыкой. В здешних местах родилась М. Н. Мордасова, народная артистка Российской Федерации, впервые здесь услышали люди ее звонкий, свежий голос. Мордасова и свеклу выращивала и за коровами ухаживала, а выдавалась свободная минута — все девчата уже около нее:

— Машенька, спой!..

Упрашивать не нужно. Не умолкали песни Марии Мордасовой.

Композитор К. И. Массалитинов не случайно пригласил талантливую певунью в Воронежский русский народный хор, ставший для Мордасовой подлинной творческой школой. Но где бы ни выступала Мария Николаевна — на Сахалине или в Средней Азии, на целинных землях Казахстана или на Украине, никогда не забывала она своих земляков. Редкий год не приезжает М. Н. Мордасова в Черняное. Но вот однажды так сложились обстоятельства, что Мария Николаевна, всего на один день захватившая с хором в Тамбов, не смогла побывать в родном селе. Тогда черняновцы сами поехали повидаться со своей землячкой. После концерта они поднялись на сцену и горячо поблагодарили артистов за концерт, одарили их цветами...

В своем тамбовском имении Салтыки Голицын собирал и учил музыке одаренных крестьян. А ведь не было такой деревеньки на Тамбовщине, где бы не любили петь. Звучными и торжественными хороводными песнями встречали приход весны, первый дождь, пробуждающий природу, омывающий луга и нивы:

Дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дедову пшеницу,
На девкин лен
Поливай ведром.

Пели, выезжая в поле. Разыгрывали целые представления: «Сходбища», «Плетень», — стараясь забыть хотя бы ненадолго о своих горестях и печалях. Не обходился без песен и девичник — последний праздник девушки, выходящей замуж.

Слагая песни, крестьяне вкладывали в них всю душу, выражали глубокие, выстраданные надежды. Разучивать же их было нелегко: какая уж там музыкальная грамота, если крестьяне и простой школьной не знали. Приходилось разучивать песни по слуху, с помощью скрипки. Но уже первые выступления тамбовчан показали, что создан не просто певческий коллектив, а настоящий хор, способный соперничать с лучшими тогдашними русскими хорами. Известность его ширилась год от года. В программу были включены произведения отечественных и западноевропейских композиторов, русские народные песни. Хор просуществовал свыше 15 лет, до 1857 года, а прекратил свое существование лишь потому, что Голицын уехал за границу.

Подружившись с Герценом, Ю. Н. Голицын и ему внушил интерес к своим занятиям.

Недаром же и «Колокол» отмечал, что устраиваемые Ю. Н. Голицыным концерты, «имеют решительный, огромный успех... Эстетическое нашествие русских звуков идет от победы к победе. Концерты князя Голицына чисто русские, и в этом-то их серьезное значение... Богатая натура наша высказывается тут с своей мощной стороны. Наша музыка не

РУССКОЙ ПЕСНИ РАЗДОЛЬЕ

ного репертуара. Песни «Колхозный караван», «У зеленого Тамбова» звучат ярко, широко. Их теплота, задушевность покоряют слушателей.

Черняновский хор — лауреат Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности. Несколько лет назад Центральное телевидение показало фильм «Три спасибо в день» (сценарист В. Никитина, режиссер Е. Лукина), вызвавший горячий отклик зрителей.

«Хор вашего села нам очень понравился, — делилась своими мыслями сибирячка А. Головкин. — Мы с мужем любим и поем русские народные песни. Когда мы смотрели фильм «Три спасибо в день», видели ваше село, ваших прекрасных и простых людей, то очень захотелось быть среди вас и вместе с вами».

«Берегите это русское и передавайте вашему потомству, чтобы не забывалось все святое, исходящее от искренних ваших слов, улыбок и доброты сердец», — писала участница Великой Отечественной войны ленинградка А. Андреева.

— Песня сближает всех, — говорит Сергей Васильевич Сторожев, председатель колхоза «Правда». — Выступления хора духовно обогащают, воспитывают слушателей.

И это не громкие слова. Руководитель крупного хозяйства знает цену художественной самодеятельности и не скупится на нее. Надо сшить костюмы — пожалуйста!.. Конечно, дорого стоят, да окупятся затраты сторицей. Автобус требуют для поездки с концертом в дальнюю бригаду — нет вопроса: получите!

Много лет работала председателем исполкома Черняновского сельского Совета Вера Алексеевна Рак, — можно сказать, вырастила и взлелеяла хор. Сейчас Вера Алексеевна ушла на заслуженный отдых, пенсионерка, но детища своего не оставляет, не пропускает ни

Мария Николаевна попросила односельчан спеть.

— В песне отказывать нельзя, — шутили женщины. — Слушайте «Васятку». Музыка наша, и слова тоже наши!

Черняновцы поют шуточную, озорную «Мой Васятка», одну из тех песен, которая сочинялась всеми и всем пришлось по душе. Потом исполнили «По дворочку Дуня шла», «Черняновские веселухи», «Тамбовочку» и другие песни. Встреча превратилась еще в один концерт, вне программы.

На Тамбовщине исстари любят песни, понимают глубинный, земной смысл их кажущейся простоты.

В середине прошлого века в Петербурге и Москве заговорили о капелле под управлением Ю. Н. Голицына. Самых строгих ценителей музыки восхищала какая-то необыкновенная одухотворенность, истинная музыкальность, особая хоровая звучность, основанная на народных традициях пения без сопровождения музыки: слияние десятков голосов в одно целое, послушное любому мановению руки дирижера, его воле... Песни, до этого не раз слышанные, покоряли своею искренностью и простотой. Исполняли же их — вот диво! — простые крепостные крестьяне, привезенные Голицыным из тамбовского имения Салтыки и окрестных сел. Хоровое их искусство было так великолепно, что даже присутствовавшая на концертах дворянская знать пришла в восторг. После каждого номера слышалось: «Браво! Браво!..»

О новом чуде — капелле крепостных — сообщали как о величайшей сенсации. «С этим хором, — писал обозреватель журнала «Русский вестник», — в России соперничать могут не многие... Да много ли и не в России найдется таких хоров, в которых без камертона или канонической инструментовки, без всякого примерения, прямо бы взяли канон угодного аккорда». В хоре Голицына, отмечал А. Н. Серов, «каждый мальчик читал ноты и отличал тоны по слуху безошибочно, чего не достигают многие из известных артистов».

является скромно просить внимания своей оригинальности и какого-нибудь гражданства — она врывается разом, вооруженная *Бортнянским* и *Глинкой*, заявляет себя энергично и самоуверенно под партизанским начальством искусного вождя!»

Преклоняясь перед деятельностью руководителя «Колокола», Голицын посвящает ему пьесу для фортепьяно, названную им «Вальс Герцена»...

Выступления русского хора и оркестра под управлением Голицына с большим успехом проходили во многих городах Англии, Ирландии и Шотландии. Особым успехом пользовалась «Камаринская».

С тех пор прошло много-много лет. Но не утрачена любовь к русской народной песне на Тамбовщине. Наоборот, песня обрела крылья, широту и свободу полета. Народные хоры Моршанской суконной фабрики, завода «Революционный труд», Дворца культуры «Юбилейный», Черняновский сельский хор известны далеко за пределами области. И там, где они выступают, — всегда праздник.

Встреча с русской песней воодушевляет и волнует, создавая ощущение встречи с родным и дорогим, чему нет и не будет конца...

Солистка Черняновского сельского хора Надя Коняхина.

Фольклорная сценка — «Старушки у околицы».

**На развороте вкладки:
На концерт.**

ЖЕНЩИНЫ

А. ЩЕРБАКОВ
Фото М. САВИНА

трактор Куницкой для Светланы теперь — маяк. А коли так, то и цель виднее и сил больше.

ВЕРЬТЕ В МОЙ САМОЛЕТ!

— Представьте себе: авиационного шаблона у меня в биографии нет. — Таисия Васильевна Бажутова мило, по-земному улыбается. — Ведь обычно как пишут: увидел человек в небе самолет — и сказал себе: «Буду летать!» А я не бредила авиацией, у меня все как-то прозаично, без всякой высокой мечты вышло...

Я слушаю Таисию Васильевну и думаю: а ведь в прозе ее жизни — сплошная романтика, только не книжная, не высокопарная.

...Училась саратовская девчонка Тая в авиационном техникуме, и потянуло ее вдруг к парашютному

— Вот так оно получилось, — снова улыбается Таисия Васильевна. — До сих пор завидую в душе летчикам-испытателям. Летаю я на самом что ни на есть скромном самолете — АН-2. Опять, как видите, проза. Юля Казак, моя подруга, вот-вот пересекает на АН-24, а потом, может быть, и на ТУ или на ИЛ и полетит куда-нибудь в далекие рейсы — в Гавану, Токио, Монреаль... Но кому-то же надо летать и на маленьких машинах, вот я и делаю все, чтобы люди верили в мой самолет.

САМ ГРОМОВ ДОВОЛЕН!

У Громова большие, сильные руки, смотришь, и кажется, что им легко держать тяжелые предметы, чем, скажем, сигарету или карандаш, и совсем не верится, что руки эти могут устать.

ХОЗЯЙКА МИЛЛИОННОГО ТРАКТОРА

Миллионный трактор «Беларусь» еще не касался колесами земли, еще стоял на конвейере, а на заводе уже знали, кому он предназначен. Герою Социалистического Труда Надежде Ивановне Куницкой, трактористке совхоза «Логоза», Логойского района, Минской области. Так решил коллектив. И не только потому, что минские тракторостроители шефствуют над Логойским районом — на миллионный трактор у Куницкой были все права: за рулем она с 1951 года, руководит звеном по выращиванию картофеля (мужчины-механизаторы у нее в подчинении), собирает со своего пятидесятигектарного поля высокие, устойчивые урожаи и всегда знает, когда какой работе приходит срок. Учитывали также и то, что она уже «приобрела» совхозу три трактора, получив их за победы в соревнованиях пахарей.

А сейчас несколько слов о другом человеке. Светлана Кравченко бросила деревню и уехала в город — «за счастьем». Вербовалась на стройки, поступала на заводы, искала «красивую жизнь». Но когда навещалась домой, все же интересовалась совхозными делами. Рассказывали ей обо всем и то ли умышленно, то ли просто к слову вспоминали Надю Куницкую, крепко-накрепко привязавшуюся к своим тракторам. Она-то вот не мучилась, не занималась бесконечными поисками — выбрала свою дорогу один раз и на всю жизнь.

Светлана никому не рассказывала да и теперь не говорит, что вернула ее домой Куницкая, но все догадались: именно Надя послужила примером, потому что, вернувшись в совхоз, Светлана сразу поступила на курсы трактористок. Окончила их и в декабре прошлого года получила права.

Надежда Ивановна и сейчас помогает ей и Наде Тарасевич — девушке из того же выпуска — не только научиться уверенно водить машину, но и по-настоящему, по-крестьянски полюбить землю. А

Галя Дук — водитель минского троллейбуса.

Герой Социалистического Труда Н. И. Куницкая.

спорту, может, потому, что с детства не любила она ни в чем уступать мальчишкам. Начала прыгать с парашютом, а позже, уже работая в Казани, случайно попала на глаза Алексею Константиновичу Пахомову, приехавшему из Москвы энтузиасту ДОСААФа. Пахомов отбирал способных девчат на спортивные самолеты: бить зарубежные рекорды и, в частности, рекорды американки Жаклин Кокран. Таисия послушалась Пахомова, села за штурвал самолета и уже в 1963 году получила бронзовую медаль по одному из видов высшего пилотажа. Годом позже выступала на международном авиационном празднике в Австрии. В 1965 году она стала абсолютной чемпионкой страны по высшему пилотажу, а в 66-м заняла второе место на чемпионате мира.

И уже не смогла расстаться с самолетом. Бажутову в виде исключения (специального образования она не получила) взяли в гражданский воздушный флот.

— Устают, — уверяет Александр Матвеевич Громов, — особенно если крановщик неумелый и панели перекрытий плохо подает. Ворочаешь, двигаешь, положишь штук тридцать — и уморился. Вот были бы все такие, как Маша Секацкая. Она сейчас в нашей бригаде работает.

...Редко бывает, чтобы человеку, закончившему ГПТУ, сразу дали высший разряд. А Маше дали. Приехала она в Минск — машинистом башенного крана и скоро прославилась, да погромче иных старых крановщиков.

— Так плиту подаст, — продолжает бригадир, — будто из своей кабины все до сантиметра вымерила. И, кроме того, весь наш процесс назубок знает: когда кирпич, когда раствор... Ее понукать не надо. Жалко, что машинистов за бригадами не закрепляют, Секацкую мы бы без разговоров взяли к себе...

Мария не слышала этих слов Громова. Она депутат и ушла

И мы за рулем!

после обеда на сессию райсовета. Но мнение бригады она знает и очень им дорожит. Ведь Александр Матвеевич — Герой Социалистического Труда, знатный строитель республики. Бригада у него знаменитая, и если уж они ей доверяют, значит, все у нее получается как надо.

СЕМЕЙНЫЙ МАРШРУТ

Когда Лаврецкую настойчиво спрашивают, чем она может объяснить верность профессии, Нина Ивановна рассказывает историю, убедительнее которой, вероятно, не может и быть.

Еще девчонкой она решила,

И снова в рейс. Нина Лаврецкая (справа) и ее подруги Зинаида Амелеченко и Раиса Белькович.

У РУЛЯ

Без пяти минут ткачихи.

что будет водить троллейбус по Минску.

Нравилось ей все: шум улиц, пассажиры, хитрые приборы в кабине. И вот она получила троллейбус. За руль садилась празднично, торжественно. И... вскоре приглянулась одному автоинспектору, дежурившему на ее маршруте. Познакомились, начали встречаться. И что вы думаете? Нина так красиво рассказывала о своей профессии, что молодой милиционер задумался: а не сменить ли жезл регулировщика на руль троллейбуса?

— А что,— говорила Нина,— переходи к нам, будем на одном маршруте соревноваться.—И добавила: —Если любишь — перейдешь!

И столько было решительности в ее словах, что, видимо, впервые в истории транспорта регулировщик уступил водителю: Станислав подал заявление в троллейбусный парк... Теперь они обслуживают один маршрут: Аэропорт — улица Чайковского. Станислав помаленьку догоняет жену, но догнать ее трудно: Нина — ударник коммунистического труда, член цехового комитета профсоюза и общест-

венно-технической комиссии, наставница. И уступают такие только тому, кто в честной борьбе выигрывает право быть первым.

ЗНАМЯ

Министр тоже у руля. Легкая промышленность — машина сложная, требующая самого современного к себе отношения. Такая уж это промышленность, что ей всегда приходится показывать товар лицом и угождать каждому потребителю. Мария Степановна Кононова прежде была директором камвольного комбината, а теперь министр. Отрасль у нее совсем нелегкая — десятки предприятий,строек. День загружен до предела. Трудно выкроить время и подумать: а что удалось сделать за два года пребывания у руля министерства? Удалось ли чего-нибудь добиться?

Совсем недавно постановлением коллегии Министерства легкой промышленности СССР и Президиума ЦК профсоюза работников текстильной и легкой промышленности по итогам 1974 года Белоруссии присудили переходящее Красное знамя. Пущена первая

очередь Могилевского шелкового комбината, одна из очередей ниточной фабрики в Гродно, третья очередь Оршанского льняного комбината, строится более тридцати предприятий, возводятся камвольно-прядильная фабрика в Слониме, фабрика бельевого трикотажа в Жодине... Создан при министерстве центр научной организации труда и управления производством. Это только часть того, что намечено и будет сделано. Вот об этом больше всего и думает министр, когда удается ей поразмыслить о своих делах. Министр как опытный рулевой смотрит вперед. Кончается девятая, и начнется новая, десятая пятилетка. Новые заботы и новые возможности доказать, что ты у штурвала человек не случайный.

Женщина у руля!.. И в буквальном смысле и в переносном. Сколько их? Миллионы. И не только здесь, в Белоруссии, но и по всей стране. Счастливых им маршрутов!

Мировая музыкальная общественность отмечает 100-летие со дня рождения выдающегося французского композитора Мориса Равеля. Для того, чтобы оценить значение этого юбилея, надо вспомнить, что последние сочинения композитора написаны почти полвека назад. Глубочайшие сдвиги произошли с тех пор в общественной и политической жизни, а значит, и в искусстве; еще более разительные, кардинальные изменения претерпели сознание, вкусы людей... Все сколько-нибудь значительные явления старого и нового искусства за это время подверглись самой пристрастной критике и переоценке. Музыка тоже не осталась в стороне от процессов истории и была затронута ими, пожалуй, с наибольшей остротой.

В условиях строгого и беспощадного отбора выживает, говоря словами Льва Толстого, самое нужное, глубокое, самобытное.

Своеобразие и особенность Равеля в том, что его считают — так же, как русского композитора Рахманинова — «последним из могикан», то есть представителем искусства, фундамент которого закладывался на базе европейского искусства XIX века. И Равель и Рахманинов как бы вклинились в «новую волну»; они испытали воздействие искусства нового времени, в целом оставшись в сфере идейных и художественных образов прошлого века. Еще при жизни, в расцвете своего таланта, оба композитора были зачислены в

Т. В. Бажутова — командир корабля.

Министр легкой промышленности БССР М. С. Кононова.

Полвека службы «ДОМОВОГО»

Рассказывая о том, как он стал «домовым», Борис Михайлович Филиппов, директор Центрального дома литераторов в Москве (отсюда и происхождение его шутивого прозвища), характеризует свои хлопотливые и — что уж там греха таить! — нелегкие обязанности словами одного из чеховских героев:

— Я так тебе скажу, ваше высокоблагородие, наша служба для непривычного — не приведи бог,

МОРИС РАВЕЛЬ

«старик» и подвергались уничтожающим нападкам авангардистов всех мастей за «старомодность» и приверженность к традициям. Время показало, насколько поверхностным и недалеким было такое представление о творчестве обоих выдающихся мастеров: имена тех давних критиков канули в Лету, а музыка французского и русского композиторов продолжает жить и звучать на концертных эстрадах мира.

В чем же жизнеспособность и привлекательность Равеля?

Ответ не может быть однозначным, как неоднозначен был сложный, часто противоречивый путь композитора.

Первые сочинения Равеля — «Хабанера», «Павана на смерть инфанта» — показали стремление композитора к новым художественным образам и выразительным средствам; сам он считал, что в этих пьесах заложены основы его позднейшего стиля.

Уже в «Хабанере» проявилась черта, навсегда ставшая одной из основополагающих у Равеля, — народная суть. Богатейшими и поэтичнейшими художественными образами насытила его творчество испанская народная музыка; с ней связаны лучшие произведения: «Испанская рапсодия», «Болеро»... Композитор остался ей верен до конца жизни.

Последним сочинением Равеля были «Три песни Дон Кихота к Дульцинее»; эта музыка к кинофильму «Дон Кихот» была написана специально для Шалаяпина.

Народностью, интересом к фольклору характеризуются многие мелодии композитора.

Мощным импульсом для его дальнейшего творческого развития послужило знакомство с музыкой Дебюсси; он обогатил Равеля новыми изобразительными возможностями, новыми красками, а главное, выражением новых, более тонких и сложных ощущений в восприятии окружающего мира. Созданные тогда фортепианный цикл «Отражения», пьеса «Игра воды» подобны живописи французских импрессионистов. Но все дальше и дальше уходит Равель от эстетики импрессионизма с ее любованием красками и бегством от реальной действительности. Вершиной нового периода явилось создание «Испанской рапсодии» (1907), балета «Дафнис и Хлоя» (1912) и фортепианного цикла «Призраки ночи». Здесь в полный голос прозвучали характерные для зрелого Равеля тонкость и изысканность мелодии и гармоничность языка, красочность оркестровки, богатство фортепианной фактуры.

Сочинения композитора показали, что мощные влияния пришли к нему со стороны русской музыки,

«Могучей кучки»; это Равель подтвердил пьесой в стиле Бородина и блестящей оркестровкой «Картинок с выставки» Мусоргского. И в письмах и в беседах Равель неоднократно высказывал свое преклонение перед русскими композиторами.

Первая мировая война стала переломным этапом в жизни Равеля; он считал своим долгом в тяжелые для Родины дни быть с народом: работал в госпитале, ухаживая за ранеными, водил грузовой автомобиль. Письма Равеля с фронта говорят о том, какие тяжкие испытания пришлось ему пережить. Война подорвала его здоровье. Долгие, мучительные дни провел он на больничной койке...

Произведения 1914—1930 годов отличаются небывалым ранее для Равеля масштабом, экспрессией и драматизмом. Еще более укрепляются связи композитора с французской классикой. Он сочиняет «Гробницу Куперена», «Хореографический вальс», «Болеро» и не просто порывает окончательно с принципами и методами импрессионизма, но является уже их антагонистом.

Произведения этого периода выявили у композитора жгучее ощущение современности; Равель верно понял и глубоко прочувствовал события, потрясшие мир, и, чутко отразив их в музыке, одержал

блистательную творческую победу. Вершинные произведения Равеля «Вальс» и «Болеро» стали верной картиной эпохи.

Гуманизм, ярко выраженная человечность музыки выделяют Равеля из всей плеяды западноевропейских композиторов XX века. Именно эти качества будут покорять еще многие и многие поколения ценителей прекрасного.

Дм. САХАРОВ,
лауреат международного
конкурса пианистов

АКТРИСА ПЕРВОГО ПРИЗЫВА

Прозвенел третий звонок, и билетеры поспешили в зрительный зал. Там уже сидели актеры, режиссеры, рабочие сцены — все, кто не был занят в сегодняшнем спектакле. И, конечно, зрители: некоторые из них, возможно, еще помнили, как на спектаклях театра «Летучая мышь» и театра б. Корша бросали цветы к ногам Тамары Оганезовой. А сегодня, 60 лет спустя, они тоже пришли с букетами, чтобы преподнести их народной артистке РСФСР Тамаре Сумбатовне Оганезовой — старейшей актрисе театра имени Моссовета.

Когда в 1925 году актриса пришла в этот театр, он носил имя Московского губернского совета профсоюзов, но зрители называли его театром революционного «Шторма». Произведения Горького и Фурманова, Билль-Белоцерковского и Киршона утверждали правду нового мира, нового искусства... В «Мятеже» актеры, лузгая семечки, шли по длинному помосту, перекинутому через весь зрительный зал, и с удовольствием наблюдали, как негодует изумленная публика, заполнявшая партер, как неистово ликует галерка. В этом спектакле Т. Оганезова иг-

рала Наю Фурманову и, работая над ролью, встречалась со своей героиней. Эти встречи помогли создать яркий образ большевички, подруги чапаевского комиссара.

За шестьдесят лет сценической деятельности Т. С. Оганезова создала великое множество образов — от мелодраматических до героических. Когда на сцену приходили новые ее героини — в красных косынках, рабочих спецовках, солдатских шинелях, она знала этих людей, жила с ними одной жизнью.

В годы войны оружием актри-

сы стал талант, отмеченный боевыми наградами — «За оборону Москвы» и «За оборону Сталинграда».

Образ матери — одна из вершин творчества Оганезовой. Заруи в «Последних гвоздиках» Г. Тер-Григоряна, Василина Бондарь в «Антеях» М. Зарудного — благородные, добрые женщины, постигшие самую мудрую заповедь жизни — любовь к людям.

Эта высокая заповедь стала смыслом жизни и творчества Тамары Сумбатовны Оганезовой.

В. ВАРЖАПЕТЯН

Как я стал «домовым»

погибель сущая, а для нас — ничего...

«Домовых» и вообще-то не так уж много, а подобных Б. М. Филиппову, чей «золотой» юбилей прошел два года назад, пожалуй, вряд ли отыщешь: такая неистощимая любовь к делу, ум и интеллигентность движут всеми его начинаниями.

Эти же качества глубочайшим образом сказались и на облике книги «Как я стал «домовым», определив ее необычность, ее оригинальность. Тут лирические, в полном смысле слова «домашние», семейные воспоминания автора на редкость удачно, тепло и тесно переплелись с размышлениями о том, как русская, творческая интеллигенция шла в «политику», в революцию, чаще всего через искусство, через театр...

Брат и сестра Бориса Михайловича вели активную работу в партии, а отец — М. М. Филиппов, известный ученый и литератор, посредством созданного им журнала «Научное обозрение» был связан с В. И. Лениным. На страницах журнала печатались Г. В. Плеханов, К. Э. Циолковский, Д. И. Менделеев и многие другие известные люди России.

Но, повторяю, семейные воспоминания остаются как бы своеобразным фоном книги, где идет живой, интересный рассказ о предреволюционной жизни творческой интеллигенции, а потом и о практическом участии ее в работе тех первых, часто небольших, но любопытных коллективов, которые во множестве возникали в двадцатые годы.

Об этих коллективах автор зна-

ет тоже не понаслышке: с 1921 года он уже превратился в «домового». Собственная молодость не мешала, а, наверное, даже помогала ему приобрести все то, что необходимо в работе с актерами, художниками, писателями: доказательством тому является их непритворное к нему расположение.

Редкие, ранее неизвестные фотографии Адельгеймов, Юрьева, Давыдова да и многих других крупнейших артистов России с сердечными, задушевыми надписями делают книгу особенно интересной. Хороша и обложка, где художник О. Верейский не без юмора изобразил Б. М. Филиппова в роли «домового», весело подчеркнув этим обаяние и самой книги и ее автора.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Л Я Л Ь К А

Р. ЕРМОЛЬЕВА

РАССКАЗ

Рисунок М. ПЕТРОВОЙ

Лялька — моя подружка, сестра Зинки. Война свела нас в городе Уральске, куда съехались из разных мест скитальцы войны, эвакуированные: мы — из Сталинграда, а сестры Приходько — из Минска.

Сестры были очень похожи. Обе круглолицые, курносые, с большими, слегка нависшими глазами, с острыми стрелками ресниц. А вот характер, цвет глаз были разные.

У светловолосой Ляльки на бледно-розовом личике глаза цвета незрелого крыжовника, а смуглолицая Зинка всегда вопрошала собеседника взглядом, полным черного блеска. И все же это были сестры, и когда они улыбались, на щеках появлялись глубокие ямочки.

Мы с мамой и сестры из Минска ютились в небольшой комнатенке двухэтажного особняка, наполовину каменного, наполовину деревянного, принадлежавшего в давнишние времена небогатому уральскому купчишке.

На кровати, справа от окна, спали Лялька с Зинкой, слева — мы. У окна стоял старый, весь в масляных пятнах, кухонный стол, на котором готовили на керосинке еду, учили уроки и иногда играли в лото.

Высоко над дверью висел довоенный репродуктор, к которому собирались обитатели всего дома, такие же, как и мы, послушать последнюю сводку Совинформбюро. Женщины плакали, когда диктор говорил об оставленных городах, а утром с тревогой ждали почтальона.

В то время дети выросли быстро, и мы считали себя совсем взрослыми. Самой старшей из нас, Ляльке, было восемнадцать, я на два года моложе, а Зинке исполнилось четырнадцать.

Мои подружки рано осиротели. Мать умерла за год до войны, а отец, кадровый командир Красной Армии, с июля сорок первого года значился в списках без вести пропавших.

Жили мы дружно, делились скудным пайком. Из школы я перешла в техникум, Зина занималась в шестом классе, а Лялька летала с места на место. Педагогический институт она бросила, считая учебу во время войны роскошью. На одной работе тоже не задерживалась долго. Наконец ее привлекли курсы связистов. Через несколько месяцев она уже трудилась на телеграфе.

Работа Ляльке пришлась по душе. Особенно любила ночную смену, переключку городов. Возвращаясь с дежурства домой, она заваливалась отсыпаться, а проснувшись, спешила поделиться новостями: где почем картошка, насколько подорожали дрова на рынке, что было немаловажно для нас в те времена.

— Как интересно у нас! — восклицала Лялька, когда мы на кровати окружали ее с двух сторон, примостившись под одеялом. — Девчонки к себе приглашают. Телефонистки везде нужны, даже в Москве. Может, махнуть?

— А как же я? — удивилась Зинка.

— Не маленькая, проживешь, — говорила Лялька.

— Не хочу без тебя! — начинала всхлипать сестра.

— Да не реви ты! Это я так. Куда я от тебя, разве на фронт?

Фронт давно манил Ляльку. Как приехала на Урал, так и зачастила в военкомат. Многие девчонки, ее сверстницы, уже воевали, а военком ее удерживал: «Одна ты у сестренки, подумай о ней!»

Вот она и думала. Думала и верила, что придет ее черед. И он пришел.

В этот день Лялька вернулась с работы раньше обычного. Молча села на старый, скрипучий венский стул и, стянув с головы белый берет, твердо проговорила:

— Только не надо реветь, сестренка! Я еду на фронт.

Зинка посмотрела на меня, как бы ища поддержки, потом перевела взгляд на сестру, не спеша встала с кровати, где сидела в любимой своей позе, поджав под себя ноги, и как-то осторожно, по-кошачьи мягко ступая, подошла к Ляльке. Повзрослевшая в один миг Зинка крепко обхватила руками голову сестры и прижала к себе. Мгновение — и мы разом заголосили на весь дом.

Сбежались соседи, не понимая, что происходит.

— Лялька уезжает! — протянула сквозь слезы я.

— Куда уезжает?

— На фронт, на фронт! — захлебываясь слезами, пояснила Зина.

— Хватит! — строго сказала Лялька и встала со стула. — Что вы меня заживо оплакиваете? Бросьте реветь, пора бы привыкнуть к предстоящей разлуке. Я ведь давно просилась!

...Дождь хлынул под утро. Его монотонный шум вливался в сарай вместе со струями грязной воды, которые подтекали под лежащих и сидящих людей. Солома, служившая подстилкой для раненых, местами намочила и издавала едкий запах.

Уже несколько часов подряд без молнии, без грома льет и льет как из ведра. И туч-то нет, только что-то серое, тяжелое заволочло небо, и конца-края не видать.

Лялька лежала возле самой двери сарая и чувствовала, как хлопкая жижка просачивается в сапог на здоровой ноге, — забинтованная покоилась поверх здоровой и была сухой. Хотелось выбраться из душного сарая, подставить лицо под струи дождя и смыть усталость прошедшего дня.

Почему-то именно сейчас Лялька ясно представила себе отца. И он встал перед ней во весь рост: широкоплечий, широколицый, с доброй улыбкой светлых глаз, белесыми, мягкими волосами.

С тех пор, как пришло извещение, Лялька не верила, что отца нет. Она не могла понять, как можно пропасть без вести. Убит — это ясно! А разве можно исчезнуть, исчезнуть с лица земли без следа? Она убеждала себя и сестренку в том, что отец жив и какие-то обстоятельства вынуждают его молчать...

Раненый, проходя мимо, задел ее ногу. Лялька застонала от боли и потянулась рукой к голени.

— Извини, товарищ, оступился, — произнес красноармеец, пробираясь к двери сарая. — Чистого воздуха хлебнуть захотелось, а то у нас в углу хоть топор вешай, — пояснил он.

— Ладно! Иди, иди, да только ножищами не шаркай, — оборвала его строгим голосом сидевшая рядом с Лялькой женщина в стеганой телогрейке.

Это была Луша, медсестра из партизанского отряда. На вид ей лет тридцать пять. Она не только громоздкая, по натуре грубоватая, с огненно-рыжей копной волос, аккуратно спрятанных под косынку. Лицо Луши усыпано веснушками, расплывавшимися в рыжеватые пятна. Такое в природе встретишь нечасто. Будто кто-то нарочно обмахнул кисть в краску и брызнул на Лушино лицо.

С первого дня, как Лялька прибыла в отряд, она сразу почувствовала в Луше силу, которая могла помочь и защитить ее. Несмотря на разницу в возрасте, они подружились.

— Скоро наши придут, — сказала Луша, посмотрев на большие мужские часы, оставшиеся ей от мужа. — Молодец ты, Лялька! Ноги не пожалела, а рацию сберегла. Чего бы мы без связи делали? А так и задание выполнили и подмога к нам скоро явится. А за ногу не бойся! Наш Антон Иванович волшебник, он тебе мигом косточки вправит, так что снова лявониху запляшешь. Ох, и здорово она у тебя получается!

— Да что ты, Луша! — смутилась Лялька. — Я и сама не знаю, как это у меня вышло. Сроду не плясала, а тут будто предчувствие было, что без ноги останусь, вот и разошлась.

— Предчувствие, предчувствие... Скажешь тоже, как старая бабка! Сознайся лучше, что от радости в пляс пустилась, землячка встретила, — подтрунивала Луша.

— Уж если правду, то не просто земляка, а хорошего школьного товарища, — покраснев, пояснила Лялька.

— Смотри-ка! — удивилась Луша. — Прямо как в книжке. Поди, после последнего школьного звонка не виделась?

— Точно так! — по-военному ответила Лялька и, подтянувшись на руках, подседа ближе к Луше. — Скажи, Луша, ты вот замужем была, любовь — это что?

— Любовь? — переспросила Луша. — Это, девочка, — все! Тут тебе и радость, тут тебе и слезы. Когда от меня муж ушел, так я думала, в собственных слезах утону. Он меня и забыл давно, дети у него растут, а я... Видать, так и буду в одиночестве коротать свой век, если не убьют...

Она не договорила. Послышались голоса и скрип колес.

— Поднимайтесь, ребятушки, за нами приехали! — скомандовала Луша.

...А для нас с Зиной зашуршали календарные листки. Одно время года сменилось другим. Мелко исписанные треугольники солдатской почты приходили нечасто. Лялька писала, что жива, здорова, вокруг много хороших людей, иногда рвутся снаряды.

Читали мы письма и злились на нее за то, что толком о себе ничего не писала. И вот од-

нажды, совсем неожиданно, Лялька появилась в дверях нашего жилища. Она стояла, опираясь на палку, в полной солдатской форме, с вещмешком на плече.

— Лялька!— ахнули мы и кинулись к ней.

— Черти, задушите!— взмолилась она.— Дайте раздеться!

Позже, когда соседи собрались после работы, все пришли к нам. Надо было, как положено в таких случаях, отпраздновать приезд фронтовика.

Мама испекла из серой муки пирог с тыквой. Он занял почетное место на середине стола, издавая аромат, от которого текли слюнки.

На столе было все: и картошка в «мундире», и кочан хрустящей капусты, и тонкие кругляшки репчатого лука в подсолнечном масле. Каждый принес, что смог.

Лялька вынула из вещмешка фляжку спирта, подарок Луши, и, многозначительно встряхнув ею, положила на стол. Затем достала три банки мясной тушенки, выданной на дорогу. По тем временам это был настоящий пир. Стало сразу шумно.

Лялька сидела в центре стола, то и дело поправляла ремень, одергивала гимнастерку. На груди поблескивала медаль «За отвагу».

Это была Лялька и не Лялька. Странно было смотреть, как она морщится, выпивая из стакана спирт, разведенный водой. Женщины быстро захмелели и затягивали одну песню

за другой. Пели протяжно, с грустью, кто-то всхлипывал.

Зинка с жадностью ловила каждое слово сестры, недоеденный пирог застыл в ее руке.

Я смотрела на подружку и думала: «Что сделала война с девчонкой!» Это была уже не хрупкая девушка, а боец с обветренным лицом и загрубевшими руками. Она держалась с женщинами как равная с равными, многое испытывая, многое познавая.

Еще по дороге на фронт Лялька попала под бомбежку. Немецкие самолеты налетели на небольшую станцию, где формировались составы, и превратили ее в груды развалин.

Все кругом взрывалось и горело. Выскочив из вагона, Лялька бросилась к красноармейцу. От страха она крепко обхватила его руками и, зажмурив глаза, прижавшись к его груди, повторяла: «Ой, мамочка, мамочка! Что же это такое?» И только когда гул самолетов затих, Лялька разомкнула руки и отступила на шаг от того, в ком только что искала защиту. Красноармеец мешком свалился к ее ногам. Он был мертв. Осколок от бомбы торчал в его спине.

Лялька в ужасе закричала. Она поняла, что обнимала мертвеца. Кто знает, может, он-то и спас ее от осколка, а возможно, она подхватила его на бегу, падающего. Одно знала Лялька твердо, что эту кромешную ночь ей не забыть никогда! Не забыть и лицо молодого бойца с широко раскрытыми глазами...

Ляльке и на фронте не жилось спокойно — тянуло к окопам, к передовой. «Под крышей я могла бы и дома отсиживаться!» — доказывала Приходько в штабе дивизии.

Через месяц ее включили в группу особого назначения, которая вместе с партизанским отрядом должна была участвовать в операции по прорыву обороны противника на правом фланге дивизии.

В партизанском отряде Лялька неожиданно встретила своего школьного друга Юрка Полещука. Его, как опытного разведчика, направили туда несколько раньше Приходько. С шестого класса сидели они в школе за одной партой. Юрко был самым высоким и ловким парнем в классе, играл в баскетбол и мечтал стать чемпионом.

Лялька с ним рядом была совсем маленькой и казалась беспомощной, и Юрко любил говорить: «Ничего, подрастешь! А пока я за тебя заступаюсь буду». Так и росли до десятого класса.

Окончив десятилетку, Юрко уехал в деревню к деду, готовиться к экзаменам в институт, а Лялька повезла сестру в пионерский лагерь. И не думали они, что встретятся вот так, в лесу. А кругом война...

Тот бой она вспоминала часто. Лялька сидела и выстукивала радиogramму, когда отряд начал отходить. Снаряды рвались совсем рядом. Отстучав последние слова, она подхватила рацию и бросилась за своими. В это вре-

мя раздался взрыв, и рухнувшая сосна придавила Ляльку.

Очнувшись Лялька в сарае. Рядом сидела Луша и вытирала с ее лица капельки пота. Сколько прошло времени, что с ногой, Лялька не знала. Только острая боль, как молния, прорезала ногу.

— Выпей,— поднесла Луша кружку к губам Ляльки.

Та отхлебнула глоток и почувствовала, как горячая влага обожгла внутренности, разлилась теплом по всему телу.

За ранеными прибили телеги, но мест всем не хватило. Кто мог передвигаться сам, шли рядом с подводами, придерживаясь за борта.

На базе, как и обещала Луша, Лялька попала в волшебные руки Антона Ивановича. Он настоял на том, чтобы Приходько отправили в госпиталь. Выздоровев, она и явилась к нам как снег на голову.

...Так же неожиданно наступил и день Лялькиного отъезда. Поезд уходил ночью, когда все спали, и только мы с Зиной отправились провожать Ляльку, против чего она возражала. Ее дело было возражать, проявлять о нас заботу, а мы-то знали, как нелегко ей расставаться с нами, с теплым домом и опять отмерять километры на запад. Мы знали, что на войне не так уж весело, как писала она в письмах, там может не только ранить, но и убить. От этой мысли сдавливало горло, слезы катились по щекам, и мы незаметно для Ляльки вытирали их рукавицами.

На станции оказалось народу тьма-тьмущая. Все куда-то спешили: с мешками, корзинами, фанерными чемоданами. Хныкали дети, прижимаясь к матерям и бабкам. Голосили женщины, провожая кто мужа, кто брата, кто жениха. Дежурный по станции ударил в колокол. Словно набат, прозвучал он в ночи. На миг все замерло, затем загудевшая толпа бросилась к вагонам. Последние поцелуи, последние объятия...

С отъездом Ляльки мы с Зинкой загрустили, несмотря на то, что наши войска пошли в наступление и Совинформбюро все чаще и чаще стало передавать сводки об освобождении наших городов.

К станкам, на смену ушедшим на фронт отцам и братьям становились подростки. Сутками не выходили с завода. Короткий сон у станка, и снова работа, снова план.

Мы с Зинкой оставили учебу и перешли на оборонный завод. Лялька этого не знала, но что-то чувствовала и в каждом письме писала: «Девчонки, только учитесь, это скоро станет необходимым! Конец войны не за горами, и наука начнет наверстывать упущенное. Я выберу профессию строителя. Сколько вокруг разрушено! Учитесь, девочки, учитесь...»

Лялька, мы были виноваты перед тобой, но мы не могли иначе.

...Ляльке повезло, она снова попала на Белорусское направление. В день возвращения в часть с Юрко Лялька не встретила. Полещук был в разведке. И то радостно, что жив, невинен. Не увидит сегодня — свидятся завтра. Счастливая, что снова среди фронтовых друзей, Лялька воспользовалась затишьем, крепко уснула, улыбаясь чему-то во сне.

Частые взрывы мин разбудили Приходько. Спросонья она не сразу разобралась, кто ведет огонь: наши или немцы. Все вокруг грохотало так, что закладывало уши.

— Чего расселась? — прикрикнула на нее вбежавшая в землянку радистка Миронова. — Быстро на пункт!

На пункте связи работали все аппараты. Приходько надела наушники и положила руку на ключ.

— Приходько, это очень важно, немедленно передайте, — проговорил командир разведгруппы Артемьев и положил перед ней исписанный лист.

Лялька хотела было спросить о Юрко, но, посмотрев на командира, передумала. До того ли ему! Пробежав глазами бумагу, она привычным движением кисти руки нажала на ключ передатчика.

...Уставшие, осунувшиеся, приходили мы с Зинкой с работы. Продовольственные карточ-

ки отоваривала моя мама, она же вела домашнее хозяйство, и мы в шутку называли ее начальником «тыла», хотя она работала санитаркой в госпитале. Когда мы не работали, то ходили на овощной склад перебирать картофель, морковь, лук, капусту. За свой труд получали натурой.

Нам с Зинкой больше всего нравилось, когда выдавали морковь. Мы хорошенько промывали оранжево-красные свечи моркови и, не очищая, ели, похрустывая, как кролики. Мама предпочитала лук. Она аккуратно поджаривала его до золотистого цвета и заправляла супы, запах которых приятно щекотал ноздри.

За последние несколько месяцев мы ни разу не ходили в кино. Тут и усталость сказывалась и занятость, но больше всего нас удерживал репродуктор. Да, тот самый, черный, что висел над дверью, как большая тарелка. Время от времени стали появляться передачи о том, что «такой-то», ранее считавшийся без вести пропавшим, просит сообщить его родным и близким, что он жив и ждет писем на полевую почту...

Мне было легче, мы с мамой получали письма от отца, хотя они приходили нередко с перерывом в месяц, а вот у сестер Приходько и такой радости не было. Последняя бумага, присланная с фронта в начале войны, оборвала все нити. Пропал без вести! В этом коротком сообщении звучал вечный вопрос: жив или нет?

Каждому новому сообщению об освобождении городов мы радовались с присущим нашему возрасту восторгом. И вот освобожден родной город моих подруг! Июль, тысяча девятьсот сорок четвертый год. Под Минском окружена и разбита значительная часть войск группы немецких армий «Центр».

В освобожденном Минске, разрушенном и поруганном фашистами, где не успели потушить пожары и на виселицах еще покачивались веревки, состоялся митинг и парад партизанских соединений.

Одним из участников партизанского парада был и Петр Васильевич Приходько, но об этом мы узнали позже, когда однажды на рассвете постучали в нашу дверь, и незнакомый человек с костылем под мышкой подал Зине потертый конверт, на котором ровным, четким почерком было написано: «Моим дорогим девчонкам — Лялюхе и Зинухе». Так называл их только отец!

Зина прыгнула с кровати, прижала письмо к груди и закружилась по комнате с возгласами: «Живой! Живой! Живой!» Я смотрела на нее и плакала от счастья. А в дверях, опираясь на костыль, стоял человек и улыбался.

— Зинуха, не узнаешь? — спросил он. Говорят, чудеса на свете не бывает — может, и так, но у нас на глазах происходили чудеса. Зина притихла, а у меня сердце застучало, готовое выпрыгнуть.

— Нет... — испуганно-притихшим голосом сказала Зина.

— Я — Полещук... Юрко Полещук... — повторил пришедший и сделал шаг к середине комнаты, как бы давая возможность разглядеть себя.

— Юрко! — вырвалось у Зины. В один миг она повисла у него на шее. Он еле удержался на ноге. Второй, как я только теперь заметила, у него не было.

Юрочка, миленький, как же я сразу тебя не узнала! — зашептала Зина. — Да ты садись, садись и рассказывай все по порядку. Как ты здесь оказался, где папу встретил? Ведь ты же с Лялькой вместе был и вдруг здесь!

— Может, ты сначала письмо прочтешь? — Да, да! Я от радости совсем обалдела! — спохватилась Зина и вскрыла конверт.

Пока она читала, мы сидели молча, боясь нарушить тишину. Я не без интереса рассматривала Полещука, о котором Лялька успела многое рассказать. Он оказался не таким высоким, как представлялся мне по рассказам подруги. И чемпионом по баскетболу ему уже не быть... Правильно говорят, что человек предполагает, а судьба располагает. Мне стало очень жаль парня: двадцать с небольшим — и инвалид. Еще немного, и я бы разревелась, но в это время Зинка закончила читать письмо и стала, совсем по-детски причмокивая, целовать исписанные страницы, повторяя при этом:

— Ах, ты мой папочка! Нашелся! Мы так и знали! Спасибо тебе, Юрко, вот радость при-

нес, вот спасибочко! — тараторила Зина. — А теперь рассказывай, да только все по порядку!

Юрко приставил костыль к столу, поправил ремень на гимнастерке, обхватил культию ноги руками и, усевшись поудобнее, стал рассказывать:

— В тот день, когда Лялька вернулась в часть, готовилось большое наступление. В районе Гомеля противнику угрожало полное окружение. Воспользовавшись ночью, он начал отход из междуречья Сожа и Днепра. Нам нужно было помешать врагу и нанести удар. Я пошел в разведку, и с Лялей встретиться не пришлось. Ночью меня ранило, товарищи доставили в санбат, а там — госпиталь, так что не виделись мы с Лялей, только переписывались. Из госпиталя я удрал, конечно, как только начал вставать, но вместо своей части попал к партизанам. Там-то и встретил Петра Васильевича.

— А Лялька знает о папе?

— Нет. Если бы я сообщил ей об отце, то выдал бы и свое местонахождение, а я не хочу этого. — И, немного помолчав, добавил: — Ни к чему!

Тут только Зинка и увидела, что у Юрко нет ноги. Она ахнула и, опустившись на колени, прижалась к голенищу его единственного сапога, горько зарыдала:

— Прости меня, Юрко, прости! Я, дуреха, от счастья горя твоего не разглядела.

— Да что ты, что ты, Зиночка! — начал успокаивать ее Юрко. — Главное, голова и руки целые. — Он протянул вперед крепкие, большие мужские руки. — Ну, а Ляльке ты сама об отце напиши. Только обо мне ни слова! Очень прошу! — как-то угрожающе произнес Полещук.

Зинка перестала плакать и поднялась с пола. Она тяжело села на стул и, не глядя на Юрко, с остановкой на каждом слове произнесла:

— А она... тебя... любит!

Полещук достал из кармана брюк металлическую коробочку из-под зубного порошка, постучал пальцем по крышке и, открыв, стал не спеша скручивать сигарку. Сделав две-три затяжки, он подул на кончик сигарки, стряхнул пепел и твердо сказал:

— Нет! Нет! Пока нет! Я должен сам привыкнуть к случившемуся, найти себя в жизни, ну, а потом все остальное.

— Куда же ты теперь? — как-то по-взрослому спросила Зина.

— В Минск. В политехнический. Только очень прошу тебя, не пиши обо мне Ляльке. Пусть сначала порадуется известию об отце, — убеждая Зину, твердым голосом просил Юрко. — Она знает, что я в госпитале, а о ноге я, конечно, умолчал и, что было со мною после, не писал ни строчки.

— Хорошо, — согласилась Зина. — Я буду молчать, сколько смогу, но если проболтаюсь, ты на меня не обижайся.

И, переменяя тему, заявила:

— А я ведь тоже в Минск поеду! Отец зовет. Его там на восстановление города оставили. Тоже, небось, ранен?

— Есть малость...

Полещук пробыл у нас два дня. Зина просила подождать ее — надо было оформить документы на выезд, уволиться с работы, но Юрко торопился. При нем Зина написала письмо, при нем заклеила конверт, при нем опустила в почтовый ящик. Полещук будто для того и приезжал, чтобы убедиться в том, что Зина не выдаст его Ляльке...

Наш дом постепенно пустел. Уже три семьи выехали в освобожденные родные края.

Зина тоже стала собираться в дорогу, приглашала нас с собой. Но мама сказала, что мы будем ждать возвращения отца, а там уж определим, куда податься.

Зина уехала в конце августа, а в начале сентября пришло письмо. Писала не Лялька, а ее фронтовая подруга. Я перечитывала письмо и не верила своим глазам. Три года Лялька ждала и надеялась встретиться с отцом, и когда осталось только протянуть друг другу руки...

Шли ожесточенные бои. Завершалась Люблинско-Брестская наступательная операция. Советские войска форсировали Вислу и захватили плацдарм на западном берегу.

Лялька подорвалась на mine, прокладывая линию связи...

СУДЬБЫ НАРОДНЫЕ

Виктор ПЕТЕЛИН

Время идет, и с каждым днем отодвигаются в историческую даль годы Великой Отечественной. Вот уже и 30-летие Победы готовится отметить наш народ, но в сердце не утихает боль пережитого в войну. Память многое хранит: и тревоги, и слезы, и гордость, и ожидания, ежедневные, мучительные... И как же была велика радость в день Победы! Казалось, самое страшное позади и уже завтра наступит лучезарная жизнь. Но нет, столько принесла война горя, что тяжкие ее последствия сказывались еще долго и долго. Об этом — о том, как драматически порой складывались человеческие судьбы после войны, — и размышляет и рассказывает Михаил Алексеев во второй книге романа «Ивушка неплакучая».

Читатели, конечно, не забыли, что первая книга романа завершается майским утром 1943 года — коротким мигом любви и счастья Фени Угрюмовой, или Ивушки неплакучей, прозванной так за свой удивительной твердости нрав. Пять лет, которые прошли с тех пор, смогли лишь добавить испытаний ее характеру: работа в поле, постоянная и самоотверженная, и воспитание сына без отца, не вернувшегося с фронта, — вот и все, что Фене осталось в жизни. Просвет в ее судьбе открылся с неожиданного письма Авдея Белого, которого все считали погибшим. В душе Фени зажеглась надежда: ведь Авдей был ее первой любовью. Да и он любил ее, но тогда они не признались друг другу. А потом жизнь по-своему распорядилась: Авдей уехал в город, Феня вышла замуж. И вот сейчас он сам подавал ей надежду. Так началось ее душевное воскрешение. Но и оно было нуда как не легким. Мало бабьих пересудов у колхозных журавлей, — довелось выдержать и настоящие преследования. Особенно здесь старались мать Авдея, не простившая Фене той «незаконной» любви, что случилась военной весной сорок третьего года; Штопалиха, мать негласной невесты Авдея; молодые солдатики, оставшиеся без мужей...

А жизнь в Завидове тем временем идет своим ходом. Возвращается в родные края капитан Сергей Ветлугин. В Завидове он встретился со знакомыми нам по первой книге Тишкой да Пишкой, с Артемом Платоновичем Григорьевым, с лесником Колымагой, Машей Соловьевой, многими другими своими односельчанами. В Ветлугине как раз тогда подспудно пробуждался художник, и потому встреча с земляками, родными и близкими оказалась для него по-особенному впечатляющей. Только была эта встреча не такой радостной и праздничной, какой грезились в недавних мечтах. Впервые, может, задумался он тогда о том,

какая горькая работа предстоит не одному даже поколению людей по врачеванию ран, нанесенных войной. Задумался и о том, а не прибавит ли он своим появлением страданий Аграфене Ивановне, матери Гриши Угрюмова, если расскажет, что ее сын погиб на его глазах и что у нее нет никаких надежд на его возвращение. И солгать нельзя, и не зайти в этот родной для него дом он тоже не может...

События романа то стремительны в своей драматичности, то остры и злободневны социальной сущностью поставленных проблем, а временами действие книги словно бы затухает, и эти страницы привлекают читателя особой глубиной проникновения в «святыню святых» души человеческой.

Все подлинно у алексеевских героев — радость, страдания, сомнения, слезы, веселье, любовь, ненависть... Многие эпизоды романа окрашены мягким, добродушным юмором. Незлобно подшучивают колхозники друг над другом, подмечая забавное, а то и комическое в своей повседневности, то и дело в их разговорах звучит соленая шутка, а иной раз и откровенная насмешка; и почти над всеми своими героями, не упуская подобающего случая, лукаво подсмеивается сам их создатель. И это ненамеренное чередование на страницах романа серьезного и комического создает неповторимость, особую привлекательность многих эпизодов и сценок. А подробно выписанные картины природы дополняют наше представление об этом уголке России на Саратовщине, где происходит действие романа, — обычном, ничем не примечательном русском селе Завидово, которое теперь надолго упадет в наши души благодаря художническому таланту Михаила Алексеева.

И до него знали, как тяжело приходилось деревенским бабам во время войны и после нее. А Михаил Алексеев так рассказал об этом, что будто ожили те времена. Впечатляющие картины и образы книги открывают читателям возможность с новой силой ощутить величие подвига, совершенного народом в годы войны и в пору восстановления. Автор верен той действительности, характерам людей, готовых ради общего блага на самопожертвование.

В романе есть эпизод, в котором точно выявляется замысел художника. Все тот же Сергей Ветлугин, заметив, как пошатнулось за время войны некогда крепкое

хозяйство колхоза, приходит в неподдельный ужас. А старый большевик Николай Ермилович урезонивает его, заверяя, что эта, так сказать, внешняя, материальная сторона жизни скоро будет восстановлена. Все будет, говорит он. А вот что делать с порушенными войной человеческими отношениями... Что делать, если война редкой семье возвратила кормильца, а у большинства навечно похоронила, проложив тем самым между завидовскими бабами глубокую пропасть... «Примири-ка их попробуй, когда одна поглядывает укордкой на чужое счастье, а другая оберегает его, стережет, как волчица... Вот где, думается мне, главная послевоенная заваyka — в людских судьбах, путаных-перепутанных проклятой этой войной. Вот тут бы не сломиться. А остальное — пустяк...» Да и сам Михаил Алексеев не раз подчеркнет в своей авторской речи, что, «оставив людям великое множество недоделанных дел, недосказанных сказок и недопетых песен, война в придачу ко всему понавязала такое же множество тугих узлов и петель в самих человеческих судьбах». И несмотря на то, что война давно закончилась, скорбно думает автор, в этих узлах и петлях долго еще будут задыхаться люди.

Казалось бы, ничего особенного не происходит в Завидове. Обычная крестьянская жизнь, со всеми ее заботами и тревогами. Правление колхоза заседает, изыскивая новые возможности для уборки хлеба и картошки; финансист ведет форменное сражение с бабами и стариками, которые отказываются платить все возрастающие налоги; девушки мечтают о клубе, а председатель жалуется на «твердый» план, спущенный ему сверху, — тут не до клуба; а сколько других событий, больших и малых, важных и ничтожных на первый взгляд, произойдет в Завидове за годы, что развивается действие в романе!

Вот Феня: она любит Авдея и мечтает о спокойной семейной жизни вместе с ним. А он полная противоположность ей: мягок, не способен пойти против воли матери, женится на другой и только спустя много лет поймет, как жестоко сам себя наказал. Сколько им предстоит мук и страданий, но даже в самые трудные для Фени Угрюмовой дни, когда сердце ее, кажется, плавится в тоске и боли, она сохраняет в себе возвышенность души и обаяние характера.

Порой под давлением тяжких жизненных обстоятельств она испытывает страшную тоску, разочарование в людях, даже отчаяние. Порой она называет себя непутевой, бесстыдной. Да и люди иногда убеждены, что некоторые ее поступки не совсем красивы, — так,

во всяком случае, кажется со стороны. Но автор знает душу своей героини и внимательно проследживает все ее переживания, все перепады в ее настроении. Он всегда с ней рядом, болеет ее страданиями, желает ей хоть какого-нибудь человеческого счастья. Главное достоинство этого женского характера — в его неоспоримой правде. Какие страшные испытания выпали на ее долю, а Феня, преодолевая все эти несчастья и невзгоды, не унывала и не падала духом. Страдала, мучилась, но всегда оставалась человеком среди людей. И помогала даже тем, кто, как Штопалиха и ее дочь, принес ей много страданий, встав на пути к ее личному счастью. Сколько же сил таилось в этой простой русской женщине...

Создавая образ Фени Угрюмовой, Михаил Алексеев словно бы стремился ответить на вопрос нашего времени: кого считать сегодня настоящим, подлинным красивым человеком, положительным героем эпохи. И он ответил всем своим повествованием на этот вопрос. С любовью и теплотой односельчане и весь Краснокалиновский район относятся к Федосье Леонтьевне Угрюмовой, видя в ней истинно народного вожака, народного заступника и рачительного хозяина. Стоит перебрать в памяти наиболее примечательные эпизоды ее жизни, как сразу поймешь, что такой характер действительно может служить примером, ибо он заключает в себе красоту человека, величие женщины в советском обществе. Вот в женскую тракторную бригаду, которую уж много лет возглавляет Феня, приехали районные руководители. Откровенно высказывает Угрюмова свои претензии: трактористки «с темного и до темного на земле трудятся», сил своих не жалеют, а в районе плохо заботятся о бригаде — то тракторов не хватает, то запасных частей к ним. Мало думают и о том, чтобы удерживать девчат в деревне. Словом, высказала все, что наболело на душе. Внимательно слушают ее руководители района: наступила пора серьезно обоснованных экономических решений, и каждое слово, идущее от сердца, может оказаться полезным...

Финал романа драматичен, но не безысходен. Кажется, уж нелепо и жестоко взваливать на человека, столько испытывавшего, еще какие-то бедствия, но художник, верный правде жизни и историческим обстоятельствам, не останавливается перед возможными со стороны читателей упреками. Такова жизнь, как бы говорит автор, и проводит Феню Угрюмову еще через одно испытание, самое страшное и мучительное: гибнет в пограничном инциденте ее сын. Безмерно горе матери. Все отдавала она Родине — силу, красоту, ничего не пожалела. Всем пожертвовала она ради исполнения своего высокого нравственного долга. Но она не думала об этом, она просто этим жила. И иной она не могла быть. В сущности, и весь роман «Ивушка неплакучая» посвящен тому, чтобы выявить на столь серьезном социальном изломе народные нравственные начала, раскрыть истоки нравственного подвига простых советских людей в годы войны и после нее.

Ивушка неплакучая, она же Федосья Угрюмова, многострадальная Феня, с ее гордым, неуступчивым, мужественным характером — новая большая художественная удача Михаила Алексеева. И, несомненно, ее образ надолго останется в памяти тех, кто прочитает этот талантливый роман.

Михаил Алексеев. Ивушка неплакучая (книга вторая). «Молодая гвардия», 1974, №№ 10—12.

Эмилия БОЯРШИНОВА

Сорок лет привыкнуть не могу...
Сорок лет дивлюсь и поражаюсь:
Желтые ромашки на лугу
Так похоже солнцу подражают!
В сентябре вхожу, как в первый
класс,
В разноцветный праздник
листопада...
И люблю, как будто в первый раз.

И, как в детстве, другу сердце
радо.
Жизнь, ты все передо мной
в долгу...
Что еще откроешь, что сокроешь?
Сорок лет растратить не могу —
Не растратить всех твоих сокровищ.
Сорок бед прошло — и вновь
проста.
И опять — то вместе, то отдельно —
Потрясают боль и красота.
И обида новая смертельна.
То прекрасен мир с его людьми,
То опять далек от совершенства...
Исцелись — и заново прими
Чудо, и страданье, и блаженство.
Каждый день на новом берегу
Открываю с миром связь живую...
И к тому, что на земле живу я,
Сорок лет привыкнуть не могу!

В ГОСТИНИЦЕ

Кто-то жил до меня
В этом номере старой гостиницы...
Отражался, как я,
В этом черном от ночи стекле.
И следил за звездой,
Торжественно в космосе
стынувшей...
И уехал вчера.
И оставил цветы на столе.
Может, просто забыл...

Может быть, он подумал,
что в комнате
Будет лучше с цветами
Кому-то, кто завтра придет...
Он оставил свой след,
Как привет ненавязчивый —
«помните».
Слышу. Помню. Слежу за звездой.
Теперь мой черед.
Кто-то жил до меня
В этом мире, в столетиях,
в вечности,
Мне оставил свой меч
И мечту драгоценную — «верь».
Мне оставил с надеждой
Свой голос живой, человеческий —
Золотую строку,
От которой я плачу теперь.
Не исчезнет добро,
Что у зла отвоено древнего.
Не погаснет звезда —
Свет далекой и близкой души.
Кто-то жизнь мне оставил —
Мечтами, цветами, деревьями...
Слышу. Помню. Несу
Тем, кто после меня будет жить.

ИЗ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ...

Седой Иртыш, угрюмый Карадаг,
Глухие соловьиные каналы...
Что рассказать тебе о городах,
Свердловск.

О тех краях, в которых я бывала?
Везде в России — новь и старина.
Как песня, реки русские похожи.
И мне близки и Кама и Двина...
Но я не этим странствия итожу.
Где лучший край, прекрасней
город чей?
И не пытаюсь в этом разобраться.
Я узнаю не Омск, а омичей.
И Ленинград люблю
за ленинградцев.
Приветствую старинный тихий дом,
Где старые друзья живут
в столице...
И оставляют облик городов
Мне в памяти не улицы, а лица.
Пути и встречи — праздник
без конца!
Моя душа вмещает без усилий
Людские судьбы, души и сердца.
Они мое открытие России.
Я не в пейзаж влюбляюсь,
а в людей,
По-русски щедрых, добрых,
настоящих.
Теперь друзья мои живут везде,
И полон писем мой почтовый
ящик.
Душа не растеряет эту связь,
Приняв другие города и реки.
И вновь из дальних странствий
возвращаясь,
Я расскажу о новом человеке.
Свердловск.

Людмила ШИКИНА

И певчие птицы и дети
У старого сада в долгу.
Он, может быть, нынче
столетье
Справляет на том берегу —
На том опустелом и светлом.
Остывший от пира родн,
Дождями омытый и ветром,
Он празднует мудрость один.
И черная вязь поредела —
Пробита простором долин.
Но жажда не знает предела.

С собою один на один
Он соки последние поднял
К живущему чудом плоду,
И страх,
и надежда,
и подвиг,
В нем вызрев, на землю падут.
И сад содрогнется, роняя
И меда и горечи плод.
И выкуп свой тяга земная
За все чудодейство возьмет.
А сад, как туманы, растает,
Лбом яблока вылунив след,
Открыв нам великую тайну
Прошедших и будущих лет.

КАКИЕ ГЛАЗА У ЛОСИХИ

Напуганы птицы и звери
На тысячелетья вперед.
Леса отступают в неверье,
В них леший давно не живет.
Куда он ушел, бедолага,
Кукует в каком бочажке,
На кромке какого оврага
Свой век доживает в тоске?..
Но есть на земле заповедник,
Вхожу в охраняемый лес,
Чтоб людям о тайнах поведать
Невиданных миру чудес.
Ну что я крадусь между
сосен —

Презренный, недобрый
инстинкт.
Выходят на просеку лоси —
Со мною один на один.
Укрой меня, ель вековая,
И в ветку свою преврати.
На гульбище вольного мая
Пусть наши сойдутся пути.
Меня они вовсе не видят,
Но чувствуют: я вышла. Иду!
Сейчас меня звери обидят,
Не веря в мою доброту.
Куда мне девать свои руки,
В них нет ни ружья, ни ножа.
Но лоси в предчувствии муки,
Меня опознавши, дрожат.
Когда человека нет рядом,
Какие у лосей глаза
Под ливнем, под сводами
радуг —
Никто никогда не сказал.
Какие глаза у лосихи —
Я только придумать могу:
Тревожные, синие, тихие,
Ловящие свет на бегу.

Мама, мама,
Что нам делать —
Не цветут цветы в горшках.
Мама, мама,
В самом деле —
Проще было на лугах.
Помнишь, мама,

Росным утром,
Бирюзовою тропой
Я нашла по незабудкам
След, оставленный тобой?
Подошла и удивилась:
На земле из-под луча —
Дождь зеленый.
Ты косила.
Дятел в ельнике стучал.
Там была трава большая —
Уходила в небеса.
Я стояла, не дышала.
Тонко ухала коса.
Мама, мама,
На балконе
Не заплещется ковыль.
Наши кони,
Наши кони
Там, где солнечная быль.
Там, где звезды над тобою,
На земле, в росе, в прудах.
Мама, мама, мы с тобою
Квартиранты в городах.
Мне сегодня снились горы.
У подножья степь цвела...
Мама, мама, очень горько,
Если выюга замела,
Если росы заросили
На твоей тропе цветы.
Как найти ее в России,
Это знаешь только ты.
И пока я слышу чутко
Ковылиную печаль,
Поведи по незабудкам
Не в иную — в ту же даль.

Нина ЦАГОЛОВА

Чего ищу? О чем жалею?
Истлели письма от отца.
Война. По горло сыты ею.
Казалось, нет ей и конца.
Но снова колос вызревает
Пахуч, и сладок, и силен.
И в памяти опять всплывают
Цепочки дорогих имен.

Близ Гостилиц в окопе
Через несколько лет
В вязкой глине откопан
Был немецкий планшет.
А в планшете письмо

Пожелтевшее было.
Немец с фронта домой
Написал торопливо:
«Здравствуй, милая Эльза!
Как живешь без меня?
Мы летели на Эзель,
Дали русским огня.
Мы своротим и гору,
Фюрер наш — молодец.
Завтра выйдем мы к морю,
Там России — конец!»
Близ Гостилиц откопан
Этот желтый листок.
Он достался окопу.
Плакал Эльзин платок!
Нет! Не вышел Ганс к морю,
Нет России конца!

И отведал он вскоре
Вместо ветра свинца.
Близ Гостилиц откопан
Этот жалкий листок,
Где-то там за окопом
Тот, кто шел на Восток...

Тугими черными узлами
Легла война на плечи нам.
Земля дымилась под ногами,
Мы шли по выжженным полям.
И колоски, что так кололи,
Несли мы в фартуках, тая...
О поле русское, нет доли
Светлей и горше, чем твоя,
Кронштадт.

В. Сафронов.

СОЛДАТСКОЕ
ПИСЬМО.

А. Грицай. НА ПОРОГЕ ДОМА.

Когда-то в России он ненавидел помещиков - дармоедов, которые ничего не делали, а только жрали и кутили. Презирал безземельных и безлошадных, этих ленивых голоштанников. Он же, человек трудолюбивый, смекалистый. Потому и землицы имел в достатке и скота. Сам жил и людям давал жить. Полдесятка батраков, работавших у него, никогда не обижались. Правда, и он к ним претензий не имел: люди работающие, старательные. Да лентяй у него и не зацепился бы — все на глазах, сам вместе с ними от зари до зари. Хочешь работать, как положено, работай, а нет — на все четыре стороны. И несправедливо его раскулачила Советская власть. И признать ее можно полностью, а вот крепкого мужика зазря обидели. Выгоды своей от крепкого мужика не поняла Советская власть.

Попов был уверен, что с его руками и головой где угодно выбьется. Хлебнув за границей батрацкой жизни, возненавидел всю иностранщину. А жить надо. Скитался по разным странам, пока не осел во Франкфурте-на-Майне. Работал сторожем и истопником, уже ни на что не надеялся и роптать перестал, пока не случилась история, о которой говорил со злобой.

Энтеэсы вместе с «Посевом» находились в помещении барачного типа. Попов запирали ворота, выпускал из будок двух собак, обходил территорию. Зимой всю ночь поддерживал огонь в печах.

Однажды ему принесли мешок макулатуры и велели сжечь. Ночью этим делом и занялся. Затолкает в печку стопу и ждет, пока прогорит, новую пачку готовит. Случайно взглянул на какую-то бумагу. Расписка Околовича в получении трех тысяч марок.

— Аж в пот бросило, — рассказывал Попов. — За что же такие деньги? Смотрю дальше — расписка Романова на пять тысяч. Да что же это такое! Захлопнул дверцу топки, вывалил на стол все бумаги, начал рассматривать. Вижу — ведомость, и все начальство, как один, в ней переписано, и суммы такие, что дух захватывает. Вот гады, думаю, каждый божий день, как святые, твердят: «Все энтеэсы равны между собой, все по триста марок в месяц получают, за идею работают, как борцы и герои, и воздадут им все сполна, когда Россия восстанет. Уже недолго ждать». Ах, сволочи, думаю, хриstopродавцы окаянные. Аккурат, кто так твердит, выходит, тысячами огребают. Вот, выходит, где ихняя идея.

Подобрал все эти расписки-ведомости, стал утра дожидаться. Первым на работу Околович явился. Его дверь рядом со входом в бухгалтерию. Недалеко, думаю, тебе, чертов горбун, за денежками ходить. Я молча здоровуюсь, ничего не говорю, и он тоже важно так отвечает, и морда такая занятая, будто восстание в России обдумывает. Отпер он дверь, я следом. Грохнул по столу целой пачкой.

«Значит, по триста марок, — говорю, — чертов карлик, конопатый. А это что?» Так хотелось по роже садануть, да побоялся: дух выпустит. Рука у меня тяжелая, а он мелкий такой, согнутый, как крючочек. Правда, плюнул, чуть в лицо не попал, и ушел. Сволочи они все до единого... В тот же день мне и расчет выписали, никто и разговаривать не стал.

В семье Владимира Трусова я пробыл недолго. Вместе с ним отправились во «Флориду». Но и на этот раз неудачно. Муштаков так

и не появился. Не было его и в следующую ночь. А на четвертую и вовсе не повезло. Накануне в частях американской армии, расположенных во Франкфурте-на-Майне, была получка. Я не знал этого, да если бы и знал, едва ли сему факту мог придать какое-либо значение.

В военной форме посещать заведения, подобные «Флориде», американцам запрещается. Но их и в гражданской одежде легко отличить даже на расстоянии — обувь остается воинская: высокие ботинки со шнуровкой на крючках, с выпуклыми и твердыми, как у футбольных бутс, носками. Впрочем, американцы и не пытались скрывать своей профессии.

Часа в три ночи большая ватага в высоких ботсах авалилась во «Флориду». Ввели себя так, будто никого, кроме них, здесь не было. Не спросив разрешения, начали составлять столы. Бесцеремонно предложили каким-то посетителям пересечь на другие места. Те возмутились. Начался спор, перешедший в драку. Дрались честно. Никто не бил бутылками или стульями. Только кулаками.

Как и предполагал Трусов, нашли мы Муштакова в маленькой пивной близ его дома. Трусов вошел туда один и вскоре вернулся с крупным рыхлым стариком. Измятая, далеко не первой чистоты одежда, одутловатое, широкое лицо, мутный взгляд и еще какие-то детали не оставляли сомнений в том, что человек этот пьет не первый день. Впрочем, Трусов заранее предупредил: Муштаков целыми днями сидит в пивной, «водки уже не приемлет, а пиво дует чуть ли не бочками».

— Какой еще сюрприз? — лениво и безнадёжно бормотал он, и его глаза не то щурились, не то слипались. — Какой может быть для меня сюрприз?

— А вот, — кивнул в мою сторону Трусов. — Ты все хотел встретиться с человеком сегодняшней России, знакомься, только что из Москвы приехал.

Муштаков потрянул головой, глаза раскрылись. Он тупо уставился на меня, словно не веря. Потом ожил, улыбнулся:

«НАДО ВЕДЬ КАК-ТО ЖИТЬ...»

Пожалуй, самая ответственная и высокооплачиваемая должность в ночном баре — вышибала. Этот пост у Раскова занимал бывший польский профессиональный боксер. Очень высокий и сильный, он стоял посередине зала, расставив ноги, и расшвыривал дерущихся. Попавшегося ему под руку маленького, на первый взгляд щуплого, но цепкого американца, рванул из кучи, как щенка, и тот с грохотом полетел в сторону, сшибая стулья. Поднялся не торопясь, медленно подошел сзади к поляку и, как-то странно подпрыгнув, изо всех сил ударил его своей бутсой между ног. Вышибала вскрикнул, резко присев на корточки, повалился на бок и завыл, все сильнее подтягивая колени к подбородку. Несколько раз блеснул магний и щелкнули фотоаппараты.

Я стоял спиной к стене и думал, как отсюда выбраться. Что произойдет дальше, было ясно. Кто-то уже, конечно, позвонил в полицию, и она прибудет незамедлительно. На следующий день в каком-либо не очень солидном органе появится соответствующая информация с фотоснимками. Весьма вероятно, что в кадре окажусь и я. И совсем не исключена примерно такая подтекстовка: «Вот как развлекается советский писатель». Перспектива, сами понимаете, не самая лучшая.

Я твердо решил во «Флориду» больше не ходить, о чем на следующий день сообщил Трусову. Оставалось принять его предложение — поехать к Муштакову домой в Бад-Хомбург.

— Не может быть! Правда? — И шагнул ко мне, расставив руки.

Я машинально отстранился.

— Да, да, понимаю... — снова сник Муштаков. — Но знаете, — в голосе появилась твердость, даже уверенность. — Вы, конечно, знаете, к кому пришли, хотите разговаривать, раз пришли. Значит, выслушаете мою исповедь. Вас прислал ко мне бог.

Исповедь... Может быть, больше всего мне хотелось исповеди. Почему сельский счетовод так люто ненавидел Советскую власть? Что думал, ведя свои записи, на что надеялся? Что чувствовал, медленно умерщвляя людей, о чем кое-какие детали я уже знал.

Да, исповедь. Но если бы она пришла сама собой, неожиданно вылилась из общего разговора, да и то едва ли закономерна в данных обстоятельствах. Исповедь, это — перед другом. Что-то глубоко интимное, доверительное, тайное. А мне ведь для печати.

Я не мог скрыть своих сомнений.

— И хорошо! — резко сказал Муштаков. — Пишите! — Это слово прозвучало как приказ. — Пусть все знают! Пусть знает Россия! Пусть знают смолоту, чего я не знал.

Видимо, в мыслях старик далеко оторвался от своего жалкого положения. Куда-то вознесся и, должно быть, всерьез думал, как трудно жить России, пока не узнает его истории.

Шесть вечеров я слушал рассказы Муштакова. Они походили не на воспоминания о давно

или недавно прошедшем. Он снова жил каким-то эпизодом, будто действие происходит в данную минуту. Рассказывал, как под гипнозом, осушая батареи пива, перевоплощаясь в зависимости от событий, встававших в памяти, то стуча кулаком о стол, то хохоча или плача, скрежеща зубами.

Поместье генерала Муштакова возвышалось над полями и лесами, принадлежавшими ему. Хозяйство вел управляющий почти бесконтрольно. Генерал не любил ни землю, ни леса. Его страстью были конюшни скаковых лошадей. Эта страсть передавалась сыну Владимиру. Казалось, верховой езде он научился раньше, чем начал ходить.

Генерала знали как человека незлобивого, даже добродушного. Управляющий надежно ограждал его от общения с крестьянами, но, если случалось кому-либо пробиться к генералу, он сочувственно выслушивал просьбу и отказывал редко. А вот эти качества сыну не передались. С юных лет он носился по полям и просекам, выискивая добычу. Увидев далеко в степи крестьянина или крестьянку, сорвавших, скажем, стручок гороха, он припадал к шее лошади и мчался вдогонку не по дороге, а напрямик по гороховому полю, чтобы на полном ходу полоснуть нагайкой. А если успевал человек броситься на землю, и нагайка просвистит по воздуху, вздыбливая коня, возвращался и, перегнувшись в седле, наотмашь хлестал лежащего.

Крестьяне окрестных деревень легко вздохнули, когда Владимир уехал в кадетский корпус. Не проучился и двух лет — свершилась революция.

Может быть, случайность, но скорее эмблема смерти — череп и перекрещенные кости — на знамени и воинской форме привела его в армию Дроздова, где было немало таких юнцов, как он, прозванных ласкательно «баклажками». Едва ли хоть в одном соединении белых армий или в бесчисленных бандах различных атаманов, отличавшихся жестокостью, так садистски истязали пленных красноармейцев, как у дроздовцев.

Владимир Муштаков, бесшабашно отчаянный, на великолепном своем скакуне, потрясенный тем, что забитые и темные, не умеющие держать оружие, посмели подняться против воли божьей, умилял дроздовцев изобретательностью и изощренностью в пытках.

Сама идея революции, как ему казалось, нелепая, сумасбродная, безоговорочно обреченная вызвала ярость до бешенства. Он в полной мере чувствовал себя хозяином, единственным наследником отцовского поместья и никому не собирался отдавать своего.

Поначалу его часть, которой командовал генерал-лейтенант Туркул, заменявший вскоре умершего Дроздова, одерживала только победы. Вместе с группой боевых офицеров он выезжал в Ростов-на-Дону на похороны командующего, где дал клятву жестоко мстить за эту смерть. А мстить стало труднее. Все чаще приходилось укрываться в лесах, а то и спасаться бегством враспыну.

Однажды Муштаков с группой дроздовцев попал в плен. У здания штаба красных к ним вышел комиссар, человек лет сорока, огромного роста. Обвел всех взглядом.

— А это что? — показал, улыбаясь, на Муштакова. — Ишь ты, вояка. — И уже серьезно добавил: — С молоткосами Красная Армия не воюет. Марш домой!

С него сорвали погоны и дали под зад коленкой. Несколько дней он бродил по лесам, пока не наткнулся на отряд банды Шкуро. Там и закрепился. Это была большая группа, отбившаяся от основных сил, и в их числе человек десять из санроты. Они тоже блуждали по лесам, выходя на дорогу только ночью. В одну из таких вылазок подошли к разгромленной, всеми брошенной деревне. Только в одном доме, охраняемом двумя красноармейцами, тускло светился огонек.

Муштаков вызвался снять их.

— Я это умею, — сказал он командиру, — дайте в помощь только одного смелого человека.

Охрану сняли бесшумно. Дом окружили и ворвались неожиданно, бросив в окна гранаты.

Восемь красноармейцев были убиты, трое ранены. Один из них совсем легко, в кисть правой руки.

В тяжелораненых никто не позволил себе стрелять. Все отталкивали друг друга, потому что каждый сам хотел совершить это дело и облегчить душу. В конце концов общими усилиями их затоптали. Одновременно шла возня вокруг раненого в кисть. С ног его кто-то сшиб кулаком, а уж потом стали добывать ногами. Но тут изловчился Муштаков и бросился на лежавшего, прикрыв его своим телом.

— Стойте, остановитесь! — кричал он, расставляя руки, грудью прикрывая его голову.

Остановиться в одно мгновение людям было трудно, и несколько ударов пришлось Муштакову. И все-таки, ничего не понимая, разгоряченные, замерли: «В чем дело?»

— Послушайте, только послушайте, — весь дрожащий, умолял Муштаков, поднимаясь. — Не убивайте! Не убивайте его! Он должен жить. Это комиссар. Еще недели две, и ни одного комиссара не останется в живых. И никто не будет знать, как выглядят коммунисты, чем они отличаются от людей.

А коммунист всегда улыбается. Он улыбался, обзывая меня, дворянина, молокососом. Видите, он и сейчас улыбается. Надо сохранить его улыбку. Отрезать губы. Пусть всю жизнь улыбается. С каждой губы снять половиночку. И залечить. С нами же опытный хирург. Коммунист должен хорошо слышать. Но слуховой аппарат — внутри, а наружная часть только мешает, надо тоже отрезать. И голова у коммуниста особая, думающая. Революцию придумали. Надо скальпировать голову квадратиками, под шахматную доску. Как символ мысли. А глаза оставить. Коммунист должен хорошо видеть. Пусть смотрит в зеркало, пусть видит, как на него будут глядеть люди, как будут плевать ему в лицо. Он должен это видеть.

Муштаков говорил, задыхаясь, и его слушали такие же, как он, а перед ними лежал израненный и избитый человек, пытающийся подняться, и действительно улыбался. По мере того как говорил Муштаков, люди успокаивались, будто утолялась их жажда мести. Она на самом деле утолялась, ибо все сказанное было им по душе и наполняло их радостью, и они все более расплывались в улыбке, потому что знали теперь, что им делать с этим человеком. И они сделали это. Сделали по всем законам медицины, под наркозом.

Наркоз применили тоже по просьбе Муштакова. Он сказал, хорошо бы, конечно, без наркоза, но трудно закрепить губы, чтобы они не дергались, когда будут резать, а то улыбка может получиться некрасивой, да и побрить голову, а потом вырезать аккуратные квадратики, если человек будет дергаться, трудно и потребует долгой возни с ним.

Мы сидели в отдельной квартире Муштакова на окраине Бад-Хомбурга, и он рассказывал, поглаживая двух кошек, сидевших у него на коленях, отрываясь от них для того, чтобы налить и выпить очередной бокал пива, и никак не мог понять глупость врачей, запретивших мне употреблять этот чудодейственный напиток. Говорил спокойно, временами монотонно или вдруг возбуждаясь. Едва уловимо слышались нотки хвастовства своей изобретательностью.

Думаю, мне удавалось не выдать закипавшего в груди. Старался, чтобы окаменели, не проявились естественные человеческие чувства. Он продолжал рассказывать. Я продолжал слушать.

О том, что стало с комиссаром, Муштаков не знал. Помнил лишь, как самого его подкосил тиф в деревне Кисловка под Херсоном. Его бросили где-то по дороге на маленьком хуторе. Ухаживала за ним совсем молоденькая сестра милосердия. Помнил неотчетливо — то она дает ему попить, то просто сидит рядом. Потом снова картины прошедшего обрели ясность, видимо, после кризиса. Сестры уже не было. Он лежал в сарае на сене рядом с парнем, у которого на голове и на груди были грязные и ржавые от крови бинты. Звали его Коля. Хотя с трудом, но передвигаться он мог. Когда Муштаков пришел в себя, Коля стал кормить его, приговаривая:

— Держись, хлопец, я ж тебе говорил, вот и полегало. Теперь на поправку пойдешь.

Еще и беляков проклятых будем душить. Всех до одного передушим.

Владимир Муштаков не перенес ни одной детской болезни. Родился крепышом, рос богатырем, с мальчишеских лет легко клал на лопатки не только сверстников, но и многих кадетов постарше себя. Ширококостный, широкий в плечах, большого роста, он всегда был здоров, как бычок. И теперь силы возвращались к нему быстро. А Коле становилось хуже. Он рассказал, что находятся они возле одинокого домика лесника, где осталась только одна дряхлая старуха. То приходила часто, приносила воду и кое-что из жратвы, а вот уже третий день не показывается, выдать, померла... «Вон там в тряпке, на полочке остался кусок сала, дотянься сам, Володя, мне уже невозможно».

Муштаков поднялся, поел аппетитно, хотя и без хлеба. На следующий день выбрался из сарая в своем грязном белье, потому что другой одежды не было. Дотащился до хаты лесника, только никакой старухи там не оказалось. Стая крыс метнулась в стороны.

Без труда нашел запасы сухарей и гороха. Поел, напился из бочки, стоявшей рядом с колодезем, отдохнул. В доме, конечно, лучше, чем в сарае, но из-за крыс решил не оставаться. Разыскал подходящие штаны, рубаху, какой-то лапсердак. Набил карманы едой, захватил чайник с водой и отправился в сарай.

Коля смотрел на него, пока он выкладывал принесенное на ту же полку, где лежало сало. Потом сказал:

— Мне уже не подняться, Володя... Там в кармане документы и адресок, напиши матери... А мне водички...

— А беляков проклятых как же, Коля? Душить?

— Души, Володя, и за меня души.

— А как душить? Вот так? — И протянул руки к шее Коли.

Можно бы, конечно, и не душить, сам помрет, да кто знает — вдруг выживет. И душить-то... Чуть прижать, и все.

Закончив с этим делом, Муштаков вытащил из Колиного кармана документы и лег спать. Утром, захватив все запасы еды, направился к большаку.

Он шел по деревням, видел, что война окончилась, видел, кто захватил власть, и не мог верить ни глазам своим, ни ушам. Хорошо понимал: долго так продолжаться не может. Потому и взял направление на родные места. Путь неблизкий, добираться недели две, а к тому времени кончится эта темная власть. Кое-где на него смотрели подозрительно, требовали документы, и он предъявлял Колины справки и говорил правду: воевал, перенес тяжелый тиф, помогла выжить старушка крестьянка, а теперь пробирается домой. Людям не верилось, но возиться с ним некогда, да и как выяснять личность, если он бог знает с каких краев на Смоленщине, а задерживать просто так оснований не было. Махнув рукой, его отпускали.

Однажды, близ деревни Музыковка, километрах в ста от Херсона, шагая по проселочной дороге, встретил тащившуюся двуколку. Она проехала мимо, и тут же он услышал:

— Володя! Вы ли это?

Медленно, опасливо обернулся и увидел врача их поместья, державшего вожжи. Криво ухмыльнувшись, сказал:

— А я теперь не Володя, я крестьянский парень Николай Устюгов.

Врач грустно покачал головой:

— Какой вы крестьянский парень! Послушайте свою речь, посмотрите на свои руки. Разве так говорят эти неучи? А в поле пошлют? Вы же не знаете, как хомут на лошадь надеть... Садитесь. — И он подвинулся, освобождая место рядом. Лошадь пошла шагом.

Врач тоже не верил в силу Советской власти. Ненадолго это. Но пока она держится, надо удержаться самим, надо смириться.

— Они знают, кто я, — сказал врач, — поварили, будто в белую армию попал по мобилизации. Сейчас у меня два района, я честно лечу людей, и они это видят, еще больше верят мне. Я засвидетельствую, что вы рабо-

тали счетоводом. На такую должность охотно возьмут. У них ведь совсем нет грамотных людей. Обоснуетесь на одном месте, а там видно будет.

Так Владимир Муштаков стал счетоводом в сельской кооперации. И с первого же дня завел тетрадку, которую носил под рубашкой за поясом. Повинуясь наставлениям врача, работал старательно, держался скромно, ни в какие споры не лез, а если его о чем спрашивали, отвечал дельно, советы давал разумные, на своей точке зрения не настаивал. Спустя несколько месяцев его послали на финансовые курсы, а по окончании их назначили младшим бухгалтером в кооперации крупного районного центра.

Шли дни, месяцы, годы. За хорошую работу он получал грамоты и премии, его повышали в должности, еще дважды посылали на краткосрочные курсы, пока не назначили главным бухгалтером херсонской «Укркоопспилки».

За все годы Муштаков ни разу не усомнился в скорой гибели Советской власти. Во время нападения понял, что гибель уже пришла, но вел себя по-прежнему, ничем не выдавая радости. Подобные же ощущения пережил в начале коллективизации, когда кулацкие вылазки воспринял как начало всенародного восстания. Потом его радовали государственные решения о крупных стройках и колхозном строительстве, радовали первые пятилетки. Эти планы, их масштабы, конечно же, несуровые, нелепые, безоговорочно обреченные, неизбежно приведут к катастрофе экономической, а значит, и политической.

Каким бы ни было внутреннее состояние, он ничем не выдавал его. Со всеми был вежлив, с начальством предупредителен, но не угодлив. Бывшие сослуживцы Муштакова, с которыми я разговаривал, особо отмечали его спокойный, уравновешенный характер. Не было случая, чтобы он вспыл, разгорячился или повысил голос.

Он сам убирал свою холостяцкую комнату и стирал, сам готовил завтрак, обед и ужин. Утром жарил большой кусок свинины и картошку с салом или что-либо в этом роде, ел плотно, до отвала. С собой брал два тоненьких, аккуратных бутерброда на второй завтрак, съедал их во время обеденного перерыва, запивая чаем, который тоже сам кипятил и заваривал. После работы разогревал дома на электроплитке приготовленный с вечера обед, сытный и обильный.

Он сам занимался хозяйством не из экономии. Жадным Муштаков никогда не был, денег не жалел, да и хватало их с избытком. Ему отвратительно было идти в общую столовую, он не мог обращаться с просьбами к этим поломойкам, разговаривавшим с ним, будто с равным. А их еще и уламывать надо, слушать, как они кочевряжатся, и он боялся не выдержать, когда так хочется дать пощечину.

Служебные дела проходили как за туманной дымкой. Подлинная жизнь начиналась поздно вечером. Полнокровная, интересная, приносящая огромное удовлетворение. Вернувшись с работы, Муштаков брался за хозяйственные дела, плотно обедал, чтобы потом уже ничто не мешало главному. Перед тем, как заняться этим главным, запирали дверь на два оборота ключа, проверял, хорошо ли затянута тяжелая штора на окнах, подтыкал их с боков. Затем открывал заднюю панель радиоприемника, откуда давно удалил механизм, извлекал свою бухгалтерскую книгу и начинал священнодействовать.

Прежде всего надо занести последние данные. Новые назначения на ответственные посты, новые люди на выборных должностях, новые сведения о тех, кто уже значится в книге. Теперь не одна строчка отводилась для каждого, как в тетрадке, а две большие страницы. Особенно интенсивно приходилось работать в дни выборов в местные и Верховные Советы, в суды. Он выписывал из листовок с портретами именно те места, которые и там особо подчеркивались: «Верен делу Ленина», «За героизм, проявленный в гражданской войне, награжден орденом боевого Красного Знамени», «Активно пропагандирует идеи партии»...

Подобные обвинения он нумеровал и, когда их собиралось достаточное количество,

учинял суд. Официальным тоном задавал вопросы обвиняемому, сам отвечал на них униженно, жалобно, как и положено преступнику, сам оглашал решение присяжных и приговор. Приговоры были разные — от розог до повешения, от шпицрутенов до расстрела.

Покончив с судебными делами, переходил к самому сладостному. Закрывал книгу, ласково поглаживал ее, сжимал в руках, и сами по себе в истоме смежались веки. Нет, это не списки людей, не перечень их преступлений, это они сами, живые, тепленькие, поверженные, его пленные, согнутые им в дугу. Они в его власти, и он может делать с ними все, что хочет.

Каждый день кто-либо из руководителей высказывал мысли, которые он воспринимал как личное оскорбление, хотя непосредственно ему они не адресовались.

Подобные же мысли и преступные планы находил в местных газетах. Пусть ответят теперь за это.

Он открывал книгу на соответствующей букве алфавита, находил нужную фамилию и, тыча в нее пальцем, презрительно цедил: «Ну, повтори, милейший, что ты сказал, повтори... Да не дрожи так, падаешь!.. А-а, трепещешь, на колени становишься, башмаки целуешь, сволочь... Стой прямо, гадина! Нет, не вставай, на коленях стой прямо... И не реви, гнида, а то сейчас же задушу собственными руками... А ты что ухмыляешься,—щелкнет по другой фамилии, бросившейся в глаза.—Сейчас и до тебя очередь дойдет, ничтожество!»

Он наслаждался своей властью над людьми, заключенными в книгу, все больше воспаляя себя, а вдоволь наизмывавшись, одних мысленно сшибал ударом ноги, у других, как ему казалось, более наглых, выкалывал глаза, тыча иголкой в буквы фамилий.

На следующий день, встречая свои жертвы, слушая их почтительно, продолжал торжествовать: «Говори, говори, давай свои указания. Ты же еще не знаешь, ты ведь только труп, висящий на дереве... А ты можешь не смотреть, у тебя остались одни глазницы. Ты это очень скоро поймешь...»

Только мольба, беспощадная, жестокая, ежедневная, давала Муштакову силу жить в ненавистном ему мире и за долгие годы ни разу не сорваться, не выдать себя.

Это не моя точка зрения. Так сказал мне Муштаков. Но почему он это говорил? Почему такой оголенный цинизм саморазоблачения? Что заставило его?

Муштаков глубоко и искренне верил в бога. Все, что делал в юности,—веление бога. Всевышний обрек его долгие годы сидеть, согнувшись за бухгалтерскими отчетами, когда хотелось стрелять, строчить из пулемета, пока не накалится ствол, рубить, крушить, резать. И господь вознаградил за долготерпение, послав в Белоруссию, где он отвел душу. И все, что делал потом, обучая и засылая в Россию диверсантов, устраивая провокации, освящено небом.

Два года назад что-то с ним стряслось. Продолжая глубоко верить в бога, стал бояться всевышнего. Так ли понимал волю господню? Не много ли взял лишнего на душу в молодые годы и когда усмирал партизанских жен и детей?

Отошли куда-то его идеалы, за которые боролся, не жалея и своей крови. Он устал, и ему уже ничего не надо на этой земле, ввергавшей его в такие грехи. Он думал теперь о другой жизни, в ином мире, куда призывает всевышний. И явиться туда должен покающимся и очищенным. Ни одного пятнышка не должно остаться. Значит, надо исповедаться. Исповедаться, ничего не утаивая, ибо все, о чем не скажет на земле, тяжким грузом уйдет вместе с ним в тот, иной мир, как страшная улика в обмане бога.

Он никогда не жалел денег, но и не был расточителен. Профессия бухгалтера и скупая жена приучили считать и экономить деньги. Он накопил десять тысяч марок и с гордостью говорил мне о том, что они лежат в банке и приносят проценты. С какой радостью отдал бы их, отдал все до последнего пфеннига, чтобы умереть на родине. Но, увы... Он все хорошо понимает. Значит, надо исповедаться здесь, на чужбине. Но перед кем? Рус-

ский священник во Франкфурте-на-Майне отец Леонид? Но у него грехов больше, чем у самого Муштакова. Блудливый батюшка Леонид, пьяница и отъявленный матерщинник, погубивший не одну доверчивую душу,—примет ли от него бог чистое покаяние!

Нет, открыться надо перед человеком новой России — гордости каждого русского, превзошедшего немчуру, англичан и всех, кто обирал ее когда-то, свысока смотрел на русских. А теперь увидели, что значит наша Россия. Пресмыкаться стали перед нами, подлецы...

Все это объяснял мне Муштаков в первой беседе. Вроде преамбулы сделал, чтобы я понял, почему выворачивает душу.

Пять из шести встреч с Муштаковым проходили у него в доме. Живет он вдвоем с женой, маленькой, забитой немкой. Она работает не то медсестрой, не то няней, и видел я ее только один раз. Квартира у них оригинальная, я не встречал таких. Прямо против входа — большой квадратный проем, примерно два на два метра, а высота чуть побольше — от пола до потолка. Это кухня. В ней — двухконфорочная электроплитка, столик, две круглые табуреточки и ниша вместо буфета или шкафа для посуды. На полу у стены — очень тонкое стеганое одеяльце размером сантиметров семьдесят по длине и ширине. На нем — кошки. Целый клубок кошек и котят. Возле них — консервные банки с водой и пищей. От этого идет нехороший запах по всей квартире.

Из крошечной прихожей дверь ведет в комнату — метров девять-десять. Этой площади им вполне хватает, поскольку их всего двое. Правда, еще кошки, и жена злится, ворчит, но тут уж ничего не поделаешь, пусть ухаживает, это его последняя радость в жизни.

Кошек он действительно любит. И они его тоже. Рассказывая, он поочередно гладил не только тех, что сидели у него на коленях, но и мостившихся вокруг него на узеньком новом диване, служившем, очевидно, постелью — среди остального набора ветхой мебели кровати не было.

Я верю, что Муштаков говорил, ничего не скрывая, ибо возлагал на свой рассказ большие практические надежды, связанные с его будущим в ином мире, куда он теперь собирается. И все нынешние его заботы сводятся к тому, чтобы обеспечить себе в том мире сравнительно приличную жизнь.

Рассказывая о себе, Муштаков не щадил меня. Но обвинять его в этом не могу. Видимо, не понимал, какие удары наносит в сердце, как невыносимо слушать его спокойно. Когда во всех деталях рассказывал, как душил раненого, умирающего красноармейца, а привести эти детали у меня нет сил, я смотрел на его руки. Большие, жилистые, натруженные руки, как у многих людей.

Да, он не щадил меня, особенно в рассказах о своих расправах над семьями белорусских партизан. И я подумал, что имею полное моральное право не щадить и его. Я спросил:

— Как вы чувствуете себя среди людей? Не трудно ли вам жить?

Дрогнули скулы, видимо, от крепко стиснутых зубов, и он метнул на меня взгляд, описать который трудно. Должно быть, так смотрел он на тех, кого полосовал нагайкой, кому «выкалывал глаза» в своей бухгалтерской книге.

Но это был лишь миг. Лицо снова обмякло, стало рыхлым, веки опустились. Он молчал.

Не стонет ли он во сне, не мучают ли его кошмары, не вскакивает ли он в ужасе, чтобы разбить о стену голову?

Думая об этом, я внутренне подготовился к любому его ответу или действию. Но то, что произошло, парализовало меня. Схватившись обеими руками за горло, он закричал. Это был не короткий крик и даже не крик. Он завыл. Широко раскрыв огромный рот, он выл громко, протяжно и страшно.

Из кухни вбежала его жена и, открывая дверцу тумбочки, быстро заговорила:

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, сейчас сделаю укол, все пройдет. Это теперь с ним часто случается.

Я молча покинул логово.

Евгений

СОВРЕМЕННАЯ
РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ
БЫТОВАЯ ПЬЕСА БЕЗ ЧУДЕС
Действие происходит 8 марта
1975 года

Действующие лица:
Отец,
Мать,
Андрей 12 лет,
Петр 8 лет.

Двухкомнатная квартира с кухней, из передней — дверь в ванную комнату.

Раннее утро. Мать в халате и тапочках, непричесанная, мечется по кухне. Из радиоприемника раздаются звуки утренней гимнастики. Чайник кипит, молоко едва не убежало. Мать собирает завтрак: ставит на поднос хлеб, масло, сыр, чашки. С подносом входит в комнату, где спят мальчики. Затем проходит в другую комнату. Здесь спит отец. Ставит поднос на стол.

МАТЬ. Казю... Казю! Вставай, уже семь.

ОТЕЦ (просыпается, зевает). Еще пять минут.

МАТЬ (возвращается в комнату мальчиков). Андрей! Вставай, уже семь.

АНДРЕЙ (просыпается, зевает). Еще пять минут.

МАТЬ. Петрик! Вставай, уже семь.

ПЕТР (просыпается, зевает). Еще пять минут.

МАТЬ. Сию же минуту вставай! Пять минут да пять минут, а потом все вместе в ванную.

ПЕТР. Пусть идет Андрей. Я маленький.

МАТЬ. Андрей! Вставай!

АНДРЕЙ. Пусть Петр идет. Он молодой, сил много.

МАТЬ. Хватит! Сию же минуту вставайте. Если отец займет ванную, то конец.

ПЕТР. (встает, не открывая глаз, идет в ванную). Каждый может измываться надо мной, и все потому, что я ребенок, черт возьми!

МАТЬ (подходит к постели отца). Казю! Вставай же.

ОТЕЦ (лениво поднимаясь с постели). Они уже освободили ванную?

МАТЬ. Пока позавтракай. Чай остынет. (Наливает отцу чай. Отец садится за стол, прислонив к сахарнице книгу. Весь поглощен чтением. Родители вообще умеют выключаться из семейной жизни, это их спасает.)

МАТЬ. Кто не умывается — завтракать! Захватите по пути молоко. АНДРЕЙ (из другой комнаты). Мам, я не буду молоко, я хочу кока-колу.

ПЕТР (из ванной). Я тоже! Я тоже! МАТЬ (как машина, непрерывно снуют из угла в угол. Складывает постель, убирает ее в диван, собирает разбросанные с вечера вещи и т. д. Ни на минуту не присаживается). Перестань мудрить! Принесите из кухни молоко.

ПЕТР (из ванной). Я буду пить молоко только прямо из холодильника и в большом фужере, как в «Кобре»¹.

¹ «Кобра» — ежедневная передача по польскому телевидению с детективным сюжетом.

АНДРЕЙ (из комнаты). Мама, пусть он вылезает из ванной!

МАТЬ. Вылезай из ванной, иначе я сама тебя вытащу!

ПЕТР (из ванной). Прошу мне не мешать. Я мою левую ногу. Сегодня у нас комиссия.

ОТЕЦ. Какая комиссия? Что он болтает?

МАТЬ. Ты что, не слышал? Через определенные промежутки времени в класс приходит санитарная комиссия. Каждый должен снять левый носок и показать ногу.

ОТЕЦ. Ногу?

МАТЬ (выходя из терпения). Да, проверяют именно левую. А у детей есть свои «покровители» в родительском комитете, которые их заранее об этом предупреждают.

ОТЕЦ (кончил есть). Ну, мелюзга!!! Освобождайте ванную!

АНДРЕЙ (входит одетый, попивая кока-колу прямо из бутылки. Хватает со стола булку. Ходит по комнате и жует).

ПЕТР (из другой комнаты). Мама, он у меня отнял кока-колу! (Входит).

АНДРЕЙ. Мама, а он совсем не мылся! АНДРЕЙ. А у нас уже не бывает комиссий. (Внезапно останавливается как вкопанный.) Слушайте, слушайте! Сегодня восьмое!

МАТЬ. Ну и что?

АНДРЕЙ. Женский день! (Андрей забыл, что он держит в руках бутылку кока-колы. Петр украдкой втыкает в горлышко соломку и незаметно выпивает содержимое бутылки).

ОТЕЦ (из ванной). Вот так штука! Кристина!

МАТЬ (ничего не слышит, заворачивает три завтрака). Крошится этот творог. Мягкий расползается, а сухой крошится.

АНДРЕЙ. Опять ты, мама, забыла напомнить о празднике. В прошлом году тоже забыла. Где я теперь цветы достану?

МАТЬ. А зачем тебе цветы?

АНДРЕЙ. Для учительницы.

МАТЬ. По какому поводу, почему?

ОТЕЦ (входит, завязывая галстук). Потому что потому. Потому что женский день. (Высypает из кармана брюк на стол мелочь — несколько монет по десять злотых.) Петрик, возьми деньги и бегом в

цветочный магазин за углом, купи, что достанешь.

ПЕТР. Я куплю для своей учительницы.

АНДРЕЙ. Папа, дай ему еще денег, пусть и мне купит.

МАТЬ (крутится между комнатой и кухней. Одно приносит, другое уносит. Не обращает никакого внимания на разговор).

АНДРЕЙ. Мама, пусть папа даст деньги Петру и для моей учительницы!

ОТЕЦ. Это уже три букета цветов... (шарит по карманам). Кристина, дай какие-нибудь деньги.

МАТЬ. Откуда я возьму?

ОТЕЦ. Дай пятьдесят злотых.

МАТЬ. На что?

АНДРЕЙ. Ой, мама, сто раз уже говорили. Я для классной руководительницы, Петрик — для учительницы, а папа — для своего директора. Цветы!

МАТЬ. Ааа, правда. Женский день! Так бы и сказали. Я все это предвидела! (Достает из шкафа три коробки конфет и с гордостью ставит на стол.)

ОТЕЦ. Ну, что ты, я не могу подарить своей начальнице шоколадные конфеты. Все придут с цветами. А если уж коробка конфет, то хотя бы килограммовая, а не эта мелочь.

АНДРЕЙ. Мама, мне тоже нужны цветы. Учительница предупреждала — никаких подарков.

МАТЬ. Ну и прекрасно.

ПЕТР. Все учителя говорят не надо. И все им приносят. И только мы одни не принесем. Что за мир!

МАТЬ. Слушайте! Не может быть и речи, чтобы сейчас бегать по цветочным магазинам. В женский день очереди на улицах. Быстро нарисуйте цветы на поздравительных открытках. И положите вот так, под пшурочек (показывает на коробке с конфетами).

ПЕТР. Прекрасно! (Убегает.)

АНДРЕЙ. Я не буду сейчас ничего рисовать. Мне нужно еще списать польский у Здишка. (Набирает номер телефона.) Мама, нарисуй за меня!

ПЕТР (вбегает с банкой воды и красками). Я буду рисовать. (Проливает воду на пол.) Мам, он меня толкнул!

МАТЬ. Тише! Теперь будем рисовать! Что бы придумать... подождите (берет две открытки и перекладывает их копиркой, рисует).

АНДРЕЙ (по телефону). Здишек? Ты сделал польский? Прекрасно, диктуй (пишет шариковой ручкой в тетради). Подожди, не так быстро.

МАТЬ (торопливо рисует примитивные цветы, пишет, произнося вслух). Дорогой классной руководительнице...

ПЕТР. У нас нет классной руководительницы, только руководитель. Напиши: дорогой пани классному руководителю... Кшиштофа пани директриса выгнала из класса, потому что он к ней обратился «пани директриса», а надо было «пани директор»...

АНДРЕЙ (по телефону). Диктуй дальше. Это уже было. Подожди... (пишет).

ОТЕЦ (кончает одеваться перед зеркалом). И ты ему позволяешь списывать уроки? А этот разлил воду на пол и стоит. Сию же минуту в кухню за тряпкой!

ПЕТР. Сегодня женский день. У меня должны быть руки чистыми. Мама, вытрешь, ладно?

ОТЕЦ (с иронией). Будет проверка левой руки, что ли? Давно ты таким чистоплюй стал?

ПЕТР. Но я должен поцеловать руку учительнице!

ОТЕЦ. Черт возьми!

МАТЬ. Что такое?

ОТЕЦ. Нужна белая рубашка! Меня определенно заставят выступать на торжественном собрании.

МАТЬ (кончает рисовать поздравительные открытки, копиркой раздает мальчикам). Петрик, возьми ту, что сверху. Ты, Андрей, копию. На перемене раскрасишь ее цветными чернилами.

АНДРЕЙ (все еще говорит по телефону). Здишек, минутку. Мама, на перемене я должен списать математику. Вчера был этот спектакль по телевидению! Раскрась, пожалуйста! (В телефон.) Ну? Я пишу... подожди...

ОТЕЦ (вынимает из шкафа белую рубашку). Кристина, здесь нет пуговицы.

МАТЬ. Петрик, раскрась ты. (К отцу.) Дай!

ПЕТР (раскрашивает копию открытки). Мама, если учительница не возьмет шоколадные конфеты, я их съем сам, а ей скажу, что ты ее захотела дать денег на цветы. Можно?

МАТЬ (не слушая). Хорошо, сынок. Андрей, кончай этот разговор. Что же вы, еще не завтракали?

ПЕТР. Мы ели. Мама, я нарисовал цветок зеленым... Может быть, листья сделать красными?

МАТЬ (не слушая). Хорошо, сынок. (Отдает отцу рубашку с пришитой пуговицей.)

ОТЕЦ. Наконец-то. Могла ведь и раньше подумать, что сегодня женский день, а не в последний момент.

АНДРЕЙ (докончил разговор по телефону, осмотрел приготовленный завтрак). Мама, я не хочу с творогом. Лучше возьму пустой. (Снимает творог с бутерброда.)

МАТЬ (не слушая). Хорошо, сыночек.

ОТЕЦ. Полвосьмого! Ничего себе! Ну, я бегу. (Хватает портфель.)

ПЕТР. Папа, а пиджак?

ОТЕЦ (осмотрел себя, хватая пиджак, надевает). Из этого дома можно уйти раздетым, никто внимания не обратит!

МАТЬ (занятая приготовлениями, серьезно). Как так не обратит? Первый же милиционер вернул бы тебя. Андрей! Не ешь бутерброд. Это тебе с собой!

АНДРЕЙ (жуя хлеб, спешно готовится к выходу). Нельзя и куска хлеба съесть? Мама, дай денег. Я по дороге куплю себе что-нибудь поесть.

ПЕТР. А я, а я? Я тоже хочу что-нибудь купить!

ОТЕЦ. Надеюсь, что ты в женский день не пустишь их в этих грязных свитерах!

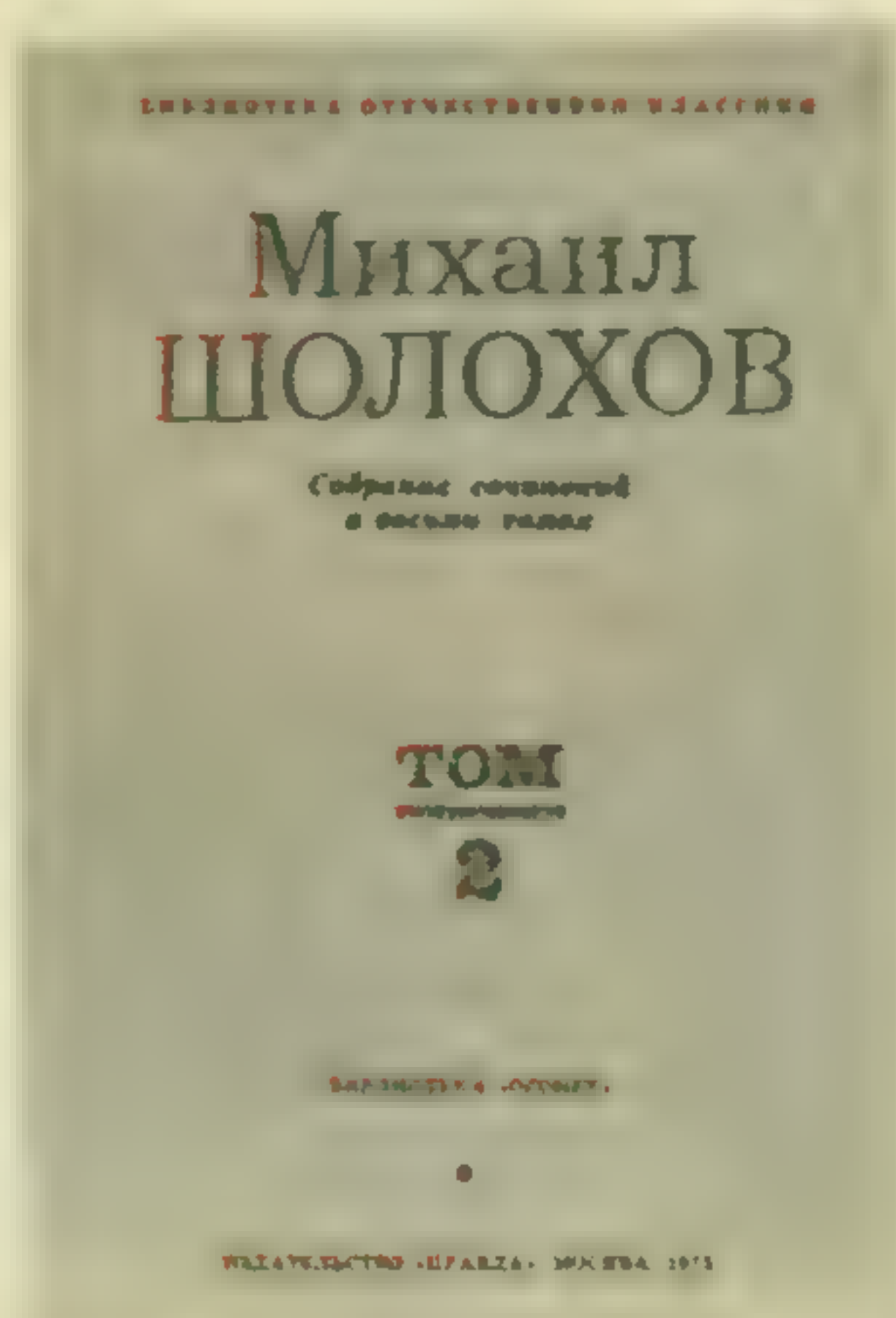
МАТЬ. Разумеется, Казю. (Вынимает из шкафа две белые рубашки для мальчиков. Одну дает Петру. Тот быстро одевается.) Андрей! Рубашка!

АНДРЕЙ. Где моя шариковая ручка? Это ты ее стянул! (Ударил брата.)

ПЕТР. Мама, он меня бьет!

ОТЕЦ (прифранченный, говорит свысока). Ухожу наконец. Здесь трудно выдержать. (Матери.) Не забудь заварить мне льняное семя. Определенно в меня будут впахивать массу пирожных. До свидания. (Берет коробку конфет, уходит, довольный собой.)

МАТЬ (обращается к Андрею, который уже давно занят своими тетрадями. Не видит его, занятая делами). Перестань драться! А то я тебе еще добавлю... (Натягивает на

ШОЛОХОВ

В ИЗДАНИИ «ОГОНЬКА»

Только что вышел из печати второй том нового собрания сочинений Михаила Шолохова, в котором помещена 2-я книга «Тихого Дона» с иллюстрациями О. Верейского.

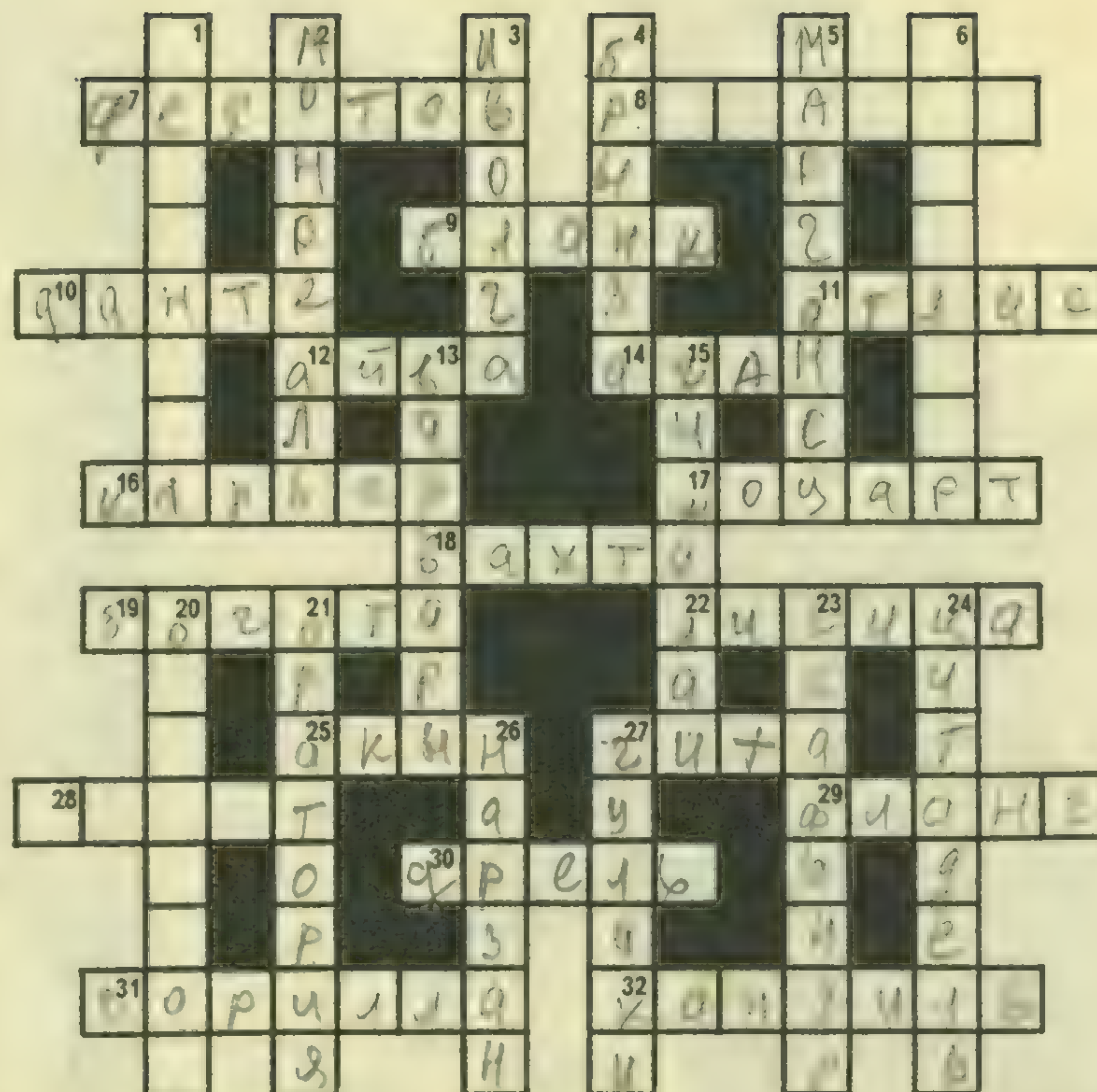
Петра, одетого в белую рубашку, вторую рубашку.)
ПЕТР. Мама, что ты делаешь! МАТЬ (подталкивая сопротивляющегося Петра, силой натягивает на него вторую рубашку). Подождите, я в конце концов вами займусь, я вами займусь...
АНДЖЕЙ (роется в шкафу). Мама, где моя белая рубашка? ПЕТР (беспомощно). Мама на меня ее натягивает.
МАТЬ (даст шлепок Петру, стягивает с него вторую рубашку). Не мог сказать раньше. Стоит и молчит. (Снимает с него рубашку, еще раз шлепает его.)
АНДЖЕЙ. Мам, дай мне денег! МАТЬ. Ничего не дам. Отправляйтесь, наконец. Меня из-за вас с работы выгонят. Я еще не начинала одеваться!
АНДЖЕЙ. Тебе хорошо, ты идешь к девяти. Ну, ладно. Завтрака у меня нет. Останусь голодным. (Берет сумку, хочет выйти.)
МАТЬ. Подожди Петра! Петр, иди же, наконец! (Дает Анджею четыре злотых.) Свои недельные деньги тратишь в покедельник, а потом всю неделю сидишь без денег.
ПЕТР (идя за братом). У него долги чести.
(Выходя, оба мальчика целуют маму в щеку.)
МАТЬ (с рубашкой Анджея в руках). Анджей! Ты не можешь идти в этом грязном свитере! Женский день!
(Хлопает дверь.)
МАТЬ (падает в кресло перед зеркалом, тупо смотрит на себя: волосы не причесаны, халат небрежно накинут. Вдруг вспоминает). О боже! Я ведь женщина!!! (Нервно хватается бигуди, пытается закрутить прядь волос. Не получается. Смачивает волосы одеколоном. Борьба с бигуди. Начинает зву-

чать тихая музыка. «Сто лет». Фортепьяно или скрипка, а затем хор. Мать одной рукой пытается закрутить волосы, другой — ищет платье в шкафу. Свет постепенно гаснет, музыка замолкает.)

* * *

Сцена ярко освещена.
МАТЬ (снимает пальто в передней. Она празднично одета, на ней серьги, бусы. Цветы, большая коробка конфет. Мать улыбается, она довольная, прекрасно выглядит — совершенно иначе, чем утром. Раздеваясь, говорит в сторону комнаты). Было изумительно! Концерт. И какие актеры! Всем женщинам преподнесли цветы, а мне еще коробку конфет. Мне пели «Сто лет, сто лет нашей начальнице...» У меня действительно праздник. Да ведь это мой день, праздник женщин! (Собирается торжественно войти в комнату, как вдруг шок.) О боже! Лыняное семя! Совсем забыла! (Праздничное настроение миготом исчезло. Бросает на столик цветы и конфеты, вбегает в комнату расстроенная. И тут... неожиданность. Стол красиво накрыт. Бутылка вина. Трое мужчин в праздничных костюмах. В руке отца рюмка вина, мальчики держат такие же рюмки, но наполненные молоком, пьют.)
ОТЕЦ, АНДЖЕЙ, ПЕТР. «Сто лет, сто лет...»
Все возбуждены, преподносят маме цветы. В этот момент Петр разливает молоко, Анджей его толкает. Отец бежит в кухню, приносит тряпку и, продолжая пить, весело вытирает пол.
(Могут быть и другие варианты семейного торжества.)

Интерпресс. Специально для «Огонька».

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Автор картины «Разборчивая невеста». 8. Русский полярный исследователь. 9. Лист бумаги с печатным заголовком. 10. Итальянский поэт. 11. Сборник географических карт. 12. Южное плодородное дерево. 14. Река в Тюменской области. 16. Самый быстрый бег лошади. 17. Австрийский композитор. 18. Дежурство на корабле. 19. Столица Колумбии. 22. Пушной зверь. 25. Народный поэтический певец в Казахстане и Киргизии. 27. Областной центр в РСФСР. 28. Слой осадочных горных пород. 29. Сторона шеренги, строя, фронта. 30. Механизм для вращения сверл. 31. Обезьяна. 32. Сорт яблок.
По вертикали: 1. Ящерица. 2. Порт в Канаде. 3. Лесная певчая птица. 4. Сыр, приготовленный из овечьего молока. 5. Химический элемент. 6. Специалист по изготовлению образцовых экземпляров. 13. Пьеса М. Горького. 15. Высочайшая горная система в Азии. 20. Курорт в Калининградской области. 21. Крупное музыкальное произведение. 23. Костюм водолаза, космонавта. 24. Роман А. Крониной. 26. Минеральная вода. 27. Советский композитор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали: 7. Белая. 8. Рампа. 9. Байка. 10. Канадзава. 11. «Жеребенок». 12. Балобан. 15. Гопак. 17. Варна. 18. Сопло. 19. Дождь. 22. Керчь. 24. Мотив. 26. «Кобзарь». 29. Проектор. 30. Барисфера. 31. Жилет. 32. Октод. 33. Ленто.
По вертикали: 1. Хренников. 2. Секундант. 3. Байдара. 4. Бровка. 5. Пасека. 6. Камбала. 13. Ледоруб. 14. «Байдера». 16. Кроль. 17. «Вадим». 20. Шелковица. 21. Пинкертон. 23. Челекен. 25. Одиссей. 27. Омолой. 28. Руанда.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Крановщица Мария Сенацкая (см. в номере репортаж «Женщины у руля»).

Фото М. Савина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Всей семьей.

Фото А. Жейца
На фотоконкурс. Москва

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 17/II—75 г. А 00532. Подп. к печ. 4/III—75 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 698. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 206.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ФОТО
И. ГАВРИЛОВА

СУББОТА, ВОСКР

ЕСЕНЬЕ

Глубока народная мудрость! Вот ведь сказано: делу — время, потехе — час. Вроде бы поговорка как поговорка, а словно формула, где за «А» и «В» могут разные числа прятаться. Скажем, «время» — это же не значит «все время», а лишь определенное, труду отданное количество часов. Да и «час» ведь здесь совсем не час, а тоже «время», только другое, «свое» время. «Все му свое время»...

Может, когда и оставался на отдых — на «потеху» — час, с того могла и поговорка пойти, а сейчас вот и суббота и воскресенье в нашем распоряжении: тьма времени! И уже приходится их тоже, как работу, по часам расписывать, чтобы польза от нынешней потехи была и здоровью, и душе, и уму. А в конечном счете и делу, потому как с понедельника уже вступает в силу первая половина той же самой формулы: «делу — время»... Вот мы и решили дать читателям несколько фоторекомендаций, как и чем заполнить вторую половину нашей формулы.

Ю. КРИВОНОСОВ

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663